

Дмитрий Дубинин

КОД

ГАГАРИНА

Дмитрий Юрьевич Дубинин

Код Гагарина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29608344

SelfPub; 2018

Аннотация

Началась погоня за не имеющим цены сокровищем – древним идолом и святыней, объектом вождения и поклонения авантюристов и адептов разных времен и народов. Андрей Маскаев балансирует между членами тайного общества и доморощенными преступниками, пока конкурирующие фирмы постепенно прореживают вражеские ряды и ищут возможность договориться. Он прочувствует на собственной шкуре «магию» в традициях Алистера Кроули, увидит рабов и шаманов 21-го века, узрит в небе всадников Апокалипсиса, и будет спасать свою жизнь, убегая от последствий рукотворного землетрясения. Вы спросите – какое отношение имеет ко всему этому Гагарин? Ответ в романе. Содержит нецензурную брань.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРЕЦЕССИЯ В ОТТЕНКАХ КРАСНОГО	11
ГЛАВА ПЕРВАЯ	11
ГЛАВА ВТОРАЯ	38
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	73
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	110
ГЛАВА ПЯТАЯ	144
ГЛАВА ШЕСТАЯ	180
Конец ознакомительного фрагмента.	182

ПРОЛОГ

Будучи давним другом «семьи» Маскаева, я не мог оказаться в стороне от событий, которые однажды привели к ухудшению, если не сказать – началу разрыва, отношений между Андреем и Таней. Кроме того, так уж совпало, что мне по долгу службы пришлось заниматься деятельностью некоторых лиц и организаций, с которыми пересекся жизненный путь моего старого товарища. К сожалению, в тот момент я еще не знал, каким именно образом Андрей оказался в гуще тех драматических и жутковатых событий, лишь позже стало ясно, что его странная связь с оккультным сообществом (чью деятельность мне было поручено взять под наблюдение), оказалась первым толчком для начала серьезных проблем в его семье.

Строго говоря, Андрей Маскаев и Татьяна Черепанова не были официально зарегистрированными супругами, хотя они и прожили вместе несколько лет. Должен сказать, что ни он, ни она совсем не походили на людей, которым было бы комфортно связать себя узами брака. Слишком уж они были оба свобододолюбивы и непостоянны. Андрей натурально и нагло увел Татьяну у меня еще в те годы, когда он и я только еще начинали строить каждый свою карьеру, если, конечно, это слово применимо к многочисленным и разнообраз-

ным занятиям Маскаева. Подозреваю, что именно ради Татьяны он даже списался с флота на береговую работу; пока я месяцами мотался по «горячим точкам», Андрей не терял даром времени. Меня немного удивляло, что, когда уже сам Андрей уезжал куда-нибудь надолго, то у Тани обязательно появлялся поклонник (а то и не один), и я одно время даже надеялся, что она опять будет со мной. Но Маскаев неизменно возвращался, и Таня немедленно отшивала тех, кто нарезал круги поблизости. В том числе и меня, как это ни печально сознавать. С Андреем мы не раз и не два встречались за рюмкой спиртного, и он мне рассказывал о своих приключениях в городах и весях. Эти приключения были довольно однообразными и отличались, как правило, лишь именами: Наташа, Юля, Фэнь Янмэй, Любовь Петровна, Лена, Алена, Фирюза, Юмико и еще одна Лена. Не стану выставлять себя великим моралистом, а все-таки таких бабников, как мой друг Андрей, было еще поискать. Но, рассказывая о своих сексуальных «подвигах», он крайне редко делился со мной, даже будучи подшофе, тем, что с ним происходило еще. О других его приключениях я узнавал значительно позже, от Тани. Андрей, оказывается, несколько раз действительно бывал на волосок от гибели почти в любом из своих вояжей – будь то командировка на Север, покупка автомобиля в Белоруссии на перегон, или поездка с не очень внятной целью на Курильские острова, в сопровождении Тани, кстати. Судя по всему, Маскаев еще в школьные времена был мастер

притягивать к себе разные катаклизмы, вплоть до самых глобальных. Достаточно вспомнить, что в апреле восемьдесят шестого он гостил у родственников в Припяти, а тремя годами позже сумел уцелеть в чудовищной железнодорожной катастрофе в Башкирии. Я уже не говорю о взрыве химического завода на Северном Кавказе, когда Маскаева объявили погибшим официально. Что касается произошедшего на Алтае, то это вообще отдельный разговор, и об этом я тоже узнал от Тани, после того, как Андрей исчез, и мы с ней стали немного чаще встречаться. К сожалению, лишь немного.

Уже после случая на Алтае, как рассказала Таня, Маскаев устроился в авиационную компанию, экипаж которой неделями, а то и месяцами бороздил воздушное пространство Африки. Это произошло около полугода тому назад. Татьяна сказала мне, что авиаторы порой забирались в самые опасные и глухие места «черного континента», и что Андрей вообще-то собирался «завязать» с этими полетами, но не успел. О падении самолета в Конго, на котором летал Андрей, средства массовой информации сообщали скупно (а кого нынче удивишь подобной аварией?), да и компания была не российской, а литовской. Словом, Андрей исчез, на связь никаким образом не выходил, и Таня была, по ее словам, в сильнейшем беспокойстве. Несмотря даже на то, что они уже всерьез (как мне думается) рассматривали возможность гражданского «развода» после возвращения Андрея из экспедиции. Но пока ситуация оставалась такой, что называ-

ется, «подвешенной», Таня и слышать не хотела о том, чтобы закончить отношения с Маскаевым «заочно» и в одностороннем порядке.

Не стану кривить душой – она мне по-прежнему очень нравилась (если не сказать больше), в том числе и просто как женщина, но ведь и Андрея я воспринимал как друга, пусть и не ближайшего. Думаю, что и он ко мне относился похоже. Несмотря на Татьяну, которая так и оставалась между нами. Именно поэтому я в течение почти трех месяцев, пользуясь служебным положением, пытался отыскать следы Андрея – да и Таня надеялась, что он жив. Я сделал несколько запросов по нашим каналам, и получил странные ответы. По одним данным, Андрей Маскаев уже давно являлся агентом нашего ведомства и был привлечен к активной работе в странах все той же Африки. По другой информации, некий литовец или русский, внешне очень похожий на Маскаева, принимал участие в небольшом государственном перевороте на «черном континенте», а впоследствии занимал в военной хунте самый главный пост, пока его не ликвидировали – этот пост вместе с должностным лицом, его занимающим. Не ваш ли Андрей это, спросили меня. Мы с Таней отвергли обе эти версии, как ни с чем не сообразные, и после еще нескольких недель тщетного ожидания, она вроде бы примирилась с мыслью, что ее гражданский муж сгинул в Африке навсегда... Вроде бы.

Только тогда я узнал от нее подробности их странной по-

ездки на Алтай в более чем странной компании и более чем со странными целями. Я делал вид, что поверить мне в них трудно, но Таня уверяла меня в истинности всего произошедшего, тем более что почти всем эпизодам она была сама свидетельницей и даже непосредственной участницей. За несколькими исключениями, впрочем. Как уже говорил, по долгу службы я как раз занимался последствиями тех алтайских событий, и информация, полученная от Татьяны, мне оказалась весьма кстати... Но я так и не довел ее до официального дела.

А спустя еще месяц, изучая отобранные для рассмотрения сайты на предмет наличия в них экстремистских высказываний, я вдруг обнаружил целую серию очерков о тех самых событиях. Блог вел пользователь под ником «King Andrew I», что могло быть простым совпадением, но описания приключений Андрея и Татьяны были уже совпадением непростым. Объем текста оказался весьма существенным; складывалось впечатление, что его тщательно готовили, прежде чем выложить в сеть. К счастью, я успел сохранить многие из очерков у себя на компьютере, прежде чем другое ведомство, уже иностранное, усмотрело в действиях портала нарушение чьих-то авторских прав, и прикрыло сразу огромный объем блогов. Что в наше время массовых чисток информационного поля во всех странах не является чем-то из ряда вон выходящим. Единственно было жаль, что я не успел проследить, с какого адреса были загружены тексты. А впрочем,

сейчас, при наведении порядка в интернете, люди стали настолько изощренно замечать свои следы, что определить реальное место конечного пользователя стало весьма сложным занятием (потому мы в основном и отслеживаем почти исключительно антиправительственные и сепаратистские выступления). Серию очерков о приключениях Маскаева под эту тему при большом желании можно было подвести, но для этого нужно было иметь столь же большое основание.

Словом, я уже не по служебной необходимости начал собирать и упорядочивать все известные мне материалы, включая рассказы Тани, тексты «короля Андрея Первого» и изъятые у фигурантов документы. А также часть моих служебных записок о местных деструктивных сектах и иностранных оккультных обществах, чья опасность видится мне очень даже недооцененной. Подобный меморандум я готовил только однажды – еще в те дни, когда Маскаев состоял в своем первом, единственном и очень скоротечном официальном браке, а Таня была абсолютно свободной и необычайно ветреной девушкой, в чем я тогда мог убедиться на собственном опыте... Тогдашнее мое дело, одно из первых самостоятельных, неофициально названное «Дорога мертвых», было принято в разработку, но потом спешно и в какой-то судорожной панике засекречено, а с меня взяли дополнительную подписку о неразглашении никаких обстоятельств, связанных с попытками восстановления железной дороги за Полярным кругом... Скажу по секрету, мне нравится собирать подобный

материал. И, когда я над ним работаю, мне нравится облекать его в литературную форму – восстанавливать диалоги и додумывать описания людей, интервьюеров и пейзажей. Коллеги (из тех, под началом которых я начинал свою службу) то и дело посмеивались надо мной: «Не дают, тебе, Михаил, лавры Льва Шейнина спать спокойно». Нынешние коллеги так не говорят – сейчас у меня хватает ума держать язык за зубами, да и кто теперь читает Шейнина (и вообще представляет, кто это такой)?

Но формировать из приключений Маскаева какое-то «дело» для нашего ведомства, вроде того, как с «Дорогой мертвых», я не хочу. И не могу. Не собираюсь даже дополнять упоминаниями об Андрее материалы о событиях на Алтае. Мне думается, что я собрал эти сведения почти исключительно для Татьяны. Пусть она получит полную информацию, если Андрей не сказал ей всего (а я уверен, что это именно так!) и сама делает выводы. Наверное, придется сказать ей и о том, что автором блога вполне мог быть и сам Маскаев, который не может... или не хочет возвращаться домой. Пусть даже это и не уберет препятствий между Таней и мной, но по отношению к этой женщине я хочу быть честным. Я, знаете ли, в первую очередь живой человек, а только потом уже государственный служака... До тех пор, конечно, пока мне в явной форме не прикажут поменять местами приоритеты.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРЕЦЕССИЯ В ОТТЕНКАХ КРАСНОГО

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Одним прекрасным майским утром мне в очередной раз пришлось убедиться в правоте слов моей бывшей жены Валентины, когда она уверяла, что я – лентяй, каких еще поискать надо, и что я должен был родиться во дворце феодального короля, какого-нибудь Генриха Лохматого. Почему? – да потому что понятия «Андрей Маскаев» и «ответственная работа» несовместимы в принципе. Потому что Андрей Маскаев выбирает работу только по одному критерию – можно ли будет на ней бить баклуши. Хотя, вот тут она как раз не права. Я не люблю бить баклуши на работе. Более того, я люблю работать (услышь Валька эти слова, так померла бы со смеху, но мне наплевать). Но я действительно не выношу работу неинтересную, рутинную, какую сейчас в основном только и предлагают. Вальку в действительности бесило именно то, что встань я перед выбором – какой деятельностью заниматься: интересной или высокооплачиваемой? – я всегда выбирал интересную. Правда, что греха таить, не бы-

ло у меня еще ни одной работы, где я не находил бы себе попутных халтурок, откатов или чего покруче. Речной порт только вспомнить!

Но сейчас времена сильно изменились. Почему-то работодатели нынче словно белены объелись – везде видеонаблюдение, дресс-коды, маячки, тренинги, корпоративы и прочие чудеса науки и техники, придуманные исключительно для того, чтобы гнобить и унижать трудовой люд... Куда ни плюнь, офисы устроены по худшим западным образцам, типа зверинцев с клетками. Только в клетках для людей вместо кормушек предусмотрены телефон с компьютером, а таблички вывешиваются не снаружи клетки, а изнутри. И ладно бы написано было на них «не кормить, не дразнить», а то ведь напишут, сами знаете «список запрещенных фраз в нашем офисе», среди которых пары-тройки ведь никак не избежать – ну, сами же знаете: «звонил, но не дозвонился; мне не передавали; а я вас предупреждал – не надо было этого делать». Посмотреть бы в глаза автору подобных «запретов», а лучше – посадить рядовым продавцом без оклада этак на полгода. И на рабочую неделю в шесть дней без права выхода на больничный...

Конечно, перспектива угодить в офисный зверинец на низовую работу мне уже вряд ли грозит, я все-таки давно вырос из менеджерских штанишек с ляжками, но – что греха таить – с работой опять хреново, а о специальности, полученной еще на переломе эпох, можно уже забыть, как мне однажды

сказали открытым текстом.

Таня – конечно, далеко не Валентина, но и ей тоже придется доказывать, что я люблю работать, а период валяния на диване скоро закончится... Да. Закончится он, как же, если я буду как сегодня, продолжать валяться до десяти часов, в то время, когда надо активно изыскивать место с возможностью халтур и свободного перемещения в рабочее время – действительно, не на завод же с пропускной системой идти устраиваться!.. Или все-таки на завод? Интересно, а нужны ли вообще в наше время снабженцы как таковые?

Я вышел на балкон и выглянул на двор, который за последние годы уже окончательно превратился в стоянку самых разнообразных транспортных средств: рычащих, чадящих, квакающих и воющих. Смотрел я на это, смотрел, и вдруг ни с того ни с сего подумал: а зачем, собственно, искать себе такое рабочее место? Зачем его искать, когда его можно просто приобрести для себя, и ни перед кем потом не отчитываться? Вплоть до десятитонника. Десятитонник, конечно, я не потяну, а вот чего попроще взять, ту же «газель»... а лучше «кантера»... или вообще микроавтобус (чтобы на любой случай годился) и вперед – мотать километры на кардан, ночевать на трассе, и работать именно так, как я люблю – не имея над собой никакого начальства. И что с того, что у меня диплом инженера – кого сейчас удивишь таким трудовым мезальянсом!

Наконец-то передо мной встали хоть какие-то ориентиры,

и я почувствовал неодолимую жажду деятельности. А действовать было нужно. Для начала – отправиться в гараж, покрасить «жигулю» губы на продажу. Затем съездить на дачу, посмотреть, что там и как, разумеется, с тем, чтобы ее тоже продать. А иначе на приличный грузовик денег точно не хватит. Танька, конечно, вряд ли будет в восторге, но не от перспективы лишения дачных посиделок, а от того, что я принял подобное решение единолично. Но сейчас, как мне думалось, совсем не тот случай, чтобы полностью подстраиваться под ее пожелания.

* * *

Автомобиль, как ни странно, завелся с полпинка. Я выгнал вишневую «шестерку» из гаража и придирчиво ее оглядел. Н-да, когда-то, конечно, это была мечта огромного большинства соотечественников... Но даже после такой мыльницы, как «мазда-фамилия» в «жигуль» садишься как в эцих с гвоздями. Хотя, ладно, если сверху крыша, а снизу четыре колеса – значит, автомобиль. Тем более, все равно продавать.

До дачного поселка под названием Шатуниха добираться минут тридцать-тридцать пять. Город почти вплотную приблизился к границам бывшей деревни и вот-вот проглотит ее... Может, повременить с продажей дачи? Хоть она и даром мне не нужна, а цена земельных участков ниже ведь не становится.

Дача, расположенная в некоторой близости от впадения реки Чаус в Обь, досталась Таньке в прошлом году от ее покойного дяди, настоящего адмирала в отставке, до этого около года как забросившего загородную жизнь по причине тяжелой болезни. И досталась дача не даром – мы не слабо вложились, чтобы выкупить долю у Таниных родителей. Примерно тогда же я приобрел древние «жигули», потому что для выкупа дачной доли пришлось продать сравнительно свежую «мазду». Так что на дачу я имел все виды, и Татьяна в свое время так и сказала: «делай с ней что хочешь». Я это запомнил. Также как и то, что Танька всегда испытывала отвращение к огородничеству – подобно многим среди наших друзей и знакомых, которым в детстве родители активно прививали любовь к грядкам; но, как бывает обычно в таких случаях, добились лишь обратного эффекта.

Что касается посиделок за рюмкой водочки под шашлычок, то так сложилось исторически, что мы чаще бывали приглашенными на пикник к другим людям, нежели оказывались гостеприимными хозяевами. Дом и огород за два года бесхозяйственности пришли в определенный упадок, который теперь хоть как необходимо было искоренять.

Открыв ворота, я загнал автомобиль в ограду, прошел к дому через запущенный огород и поднялся на веранду, усыпанную прошлогодними листьями и прочим мусором. Вообще, подумалось мне, если привести дачу в товарный вид, цена будет хорошей. Кирпичный забор прямо как в котте-

дном поселке, угловой участок с удобным подъездом, обшитый сайдингом двухэтажный дом... Первый этаж о двух больших комнатах плюс комната на втором. Надворные постройки, само собой. Все это выглядело вполне прилично, что еще надо?

Перекурив и сообщив Татьяне, где я, собственно, нахожусь и чем намерен заниматься, я выслушал несколько приличествующих случаю замечаний, в том числе и довольно резких, а после этого вытащил из машины инструменты, краску, плюс еще много разных мелких и не очень мелких вещей. В общем, я на полном серьезе вознамерился плотно заняться делом.

– ... О-о, давно вас что-то видно не было! – слышался из-за забора чей-то голос. Я посмотрел в сторону, откуда доносился комментарий. С соседнего участка за мной наблюдала пожилая женщина в сером платке, цветастой кофте и черных мужских штанах. В руке она держала какой-то зубастый инструмент, напоминающий средневековое орудие пытки, не знаю уж, как он называется. Ну, словом, типичная дачница старой, еще советской формации.

– Здравствуйте, Лидия Степанна, – сказал я, каким-то чудом вспомнив, как зовут соседку.

– Привет, Андрей! Тут, пока вас не было, двое каких-то приезжали... Хотели купить участок. Но это не для себя, я таких сразу вижу. По-моему, они хотели здесь магазин устроить. А что – от дороги ваш участок ближе всех, ворота

удобно расположены... Ну, я им сказала, что хозяева точно продавать не будут, они и уехали, даже телефон не оставили.

И Лидия Степановна улыбнулась и даже приосанилась – вон типа, какая я вся из себя умница! Я сделал вид, что не собираюсь стирать соседку в порошок прямо сейчас. Она между тем продолжила:

– Я смотрю, вас наконец-то потянуло заниматься нужным делом? А то от ваших сорняков столько мусора летит... Что будете садить?

Хороший вопрос...

– Баклажаны, – назвал я первое, что пришло на ум.

По-моему, тетка слегка удивилась.

– И это... Всё, что ли?

– Нет, не только. Помидоры еще.

– Так уже поздно высаживать-то, – произнесла Лидия Степановна с сомнением. У вас рассада-то, наверное, уже всю квартиру заполнила.

– Нет, вы знаете, я передумал, – сказал я более честно, тем более что никакой рассады у нас в квартире отродясь не водилось. – Я хочу сделать простую лужайку. Только трава и дорожки. И бассейн перед домом.

– Ну вот, все вы такие, – разочарованно вздохнула соседка. – Зачем же тогда дача, если ничего не выращивать?

– Как зачем? Отдыхать! Будем приезжать сюда каждые выходные на трех-четырёх машинах, шашлыки жарить, баньку топить, песни под гитару петь до утра... Вот это и будет от-

дых!

Похоже, от подобной перспективы Лидия Степановна не просто пришла в ужас, а в впала в шок. Про себя усмехаясь, я запустил мотор косилки и пошел «брить» огород. Я уничтожил все – сорняки, чахлые остатки когда-то культивируемых овощей и даже несколько кустов в углах участка. Разумеется, растущие перед фасадом дома яблони я трогать не стал – с ними участок выглядел уютней. Да и косилка бы не справилась.

В общем, вкалывал я как негр на плантации. Три часа с одним перекуром – для меня это было непривычно много. При этом на участке еще дел оставалось прилично, а впереди – дом, сарай, баня и забор... А я даже пива не взял, рассчитывая вернуться домой сегодня же, и при этом на авто... А теперь можно было подумать и про ночевку. Значит, надо исправлять ошибки. Я завел двигатель «жигулей» и поехал в сторону магазина. Можно было бы и пешком, но я запланировал купить не менее полутора литров пива, и чего-нибудь еще поесть, а тащить все это в руках было лень. (Да-да, Валя, я знаю, что бы ты про это подумала!)

Но если бы я знал, чем закончится моя короткая поездка в магазин, то, наверное, согласился бы просидеть до вечера на даче голодным и трезвым. Да только сомнительно, чтобы это хоть чем-нибудь помогло.

...Над дверью в магазин красовалась большая вывеска: «Маркет КРУИЗ». Рядом – табличка поменьше: «ИП Се-

мужный Г. Ч.» Выглядело это заведение как обычное сельпо, причем как снаружи, так и внутри. Господина Семужного Г. Ч. (интересно, что означает это «Ч»?!) в магазине не оказалось, там за прилавком трудилась одинокая особа неопределенного возраста, бледная и невзрачная. Однако пива там было много и разного, закуски тоже на любой случай, и я без проблем затоварился всем необходимым и понес покупки к машине.

Рядом с «жигулями» стоял огромный темно-синий «БМВ» седьмой серии. Хорошая машина – я уже обратил на нее внимание, когда ехал на дачу. Возле баварского шедевра стояли трое – и все трое выглядели весьма не в духе. Но походили они вовсе не на бандитов или уж особо деловых людей. Двое из них казались неместными. Более того – прибывшими из очень далекого далека, если судить по акценту. Эти двое были очень недовольны их собеседником, который, в отличие от них, смотрелся здешним.

– Вы, Владимир, поступили очень неправильно, – вещал один иностранец, высокий, светловолосый, одетый в бежево-коричневый костюм и странного вида рубашку под пиджаком, похожую на серый мешок. – Мы ведь договорились, в каком месте нам нужен дом и на каких условиях!

– Это был прекрасный дом, – заламывал руки наш земляк, видимо, риэлтор. – Три этажа! Огромный участок! На охраняемой территории! И всего за каких-то шесть тысяч в месяц!

«Что-то негусто», – подумал я, уже садясь в машину и собираясь уезжать.

– Во-первых, – продолжил иностранец, – мы договаривались за четыре максимум! За четыре тысячи долларов! А не за шесть! Во-вторых, я же сказал: никакой охраны!

– И кроме тех, – вмешался второй иностранец, низенький, коренастый и с небольшими усиками, – его расположение вдалеке от автострад, это не есть хорошо для нас!

Этот был одет в черный костюм, другого покроя, но рубашка была один-в-один как у его товарища. Говорил он по-русски отвратительно, хотя и вполне понятно. Акцент выдавал в нем англичанина или американца. Скорее второе. Он и его товарищ чем-то напоминали двух неположительных персонажей из мультфильма про поросенка Фунтика.

– Подобных домов вне охраняемых территорий сейчас очень трудно найти, – жалобно произнес риэлтор. – Вас же не устроил бы вот такой сарай... – И он ткнул пальцем в ближайшую дачу. Лачуга на этом участке действительно выглядела так, словно вот-вот рассыплется.

– Это не подходящий дом, – заявил первый иностранец. – Вы чем дальше, тем все меньше мне нравиться. Мы же ясно вам сказали: надо дом на окраине поселка, без какой-либо посторонней охраны, не менее двух этажей... Чтобы дом не было виден с дороги, но чтобы недалеко от bus station... Остановки автобуса. Вы нас возите по подозрительным дистриктам уже второй день, и при этом показываете совсем

другие варианты и, как правило, более дорогие!

– Вот смотрят американцы на такие как вы, – добавил укоризненно толстый, – и потом рассказывают про плохое отношение в России!

– Мы больше не желаем с вами работать, – сказал высокий, протягивая риэлтору бумажку в пятьдесят, кажется, долларов. – Вы и этих денег не заработали, – менторским тоном добавил он, когда агент попытался робко возразить.

Риэлтор забрался в свой (наверное, все же арендованный для показухи перед американцами) «БМВ», и тяжелая машина умчалась, подняв столб пыли.

– Jesus Christ, а как мы теперь вернемся в отель? – спросил толстый у своего товарища по-английски.

– Мы найдем автомобиль, брат Дэвид, – ответил светло-волосый. – Это очень легкое испытание, слава Иисусу!

– Слава Иисусу, – повторил толстый и его взгляд упал на мои «жигули». – Вы водитель этой машины?

– Yes, I'm the driver of this car, – рискнул я перейти на международный сленг. Хорошо, что я его более-менее прилично понимаю. Хотя и говорю с ошибками.

– Вы не могли бы отвезти нас в отель? Это возле железнодорожного вокзала?

– Никаких проблем! Садитесь!

– Слава Иисусу, – почти хором произнесли американцы и полезли в машину. Высокий, видимо, был главный в этой компании, он сел рядом со мной, «Брат Дэвид» вкатился на

заднее сиденье.

Не успел я тронуть машину, как высокий сразу же полез в бумажник и вынул еще одну бумажку в пятьдесят долларов.

Я, конечно, достаточно жаден – это я про себя хорошо знаю. И знаю, что жадность еще никогда не доводила меня до добра. Кроме того, я знаю тарифы такси.

– Это слишком много, – сказал я. – Двадцати долларов будет вполне достаточно.

Вальку бы перекорежило, услышь она подобное. Но я и без того увеличил среднюю цену такого пробега примерно в два раза.

– Оу! – донеслось с заднего сиденья. – Добропорядочный человек в России – это такая редкость, брат Ричард! Благослови вас Господь, молодой человек!

– Благослови вас Господь, – повторил высокий, меняя купюру.

Мне стало неловко, и я, чтобы скрыть смущение, спросил:

– Скажите, вы, наверное, из какой-то особенной церкви?

– Мы – представители Всемирной Евангельской Церкви Нового Завета, – по-русски сказал «брат Ричард». Каждое слово он произносил так, словно все они были написаны с заглавных букв.

– Хотите открыть представительство в Сибири? – поинтересовался я. Причем без всякой задней мысли.

Евангелисты не стали торопиться с ответом. Я тем временем подъехал к своей даче, но тут из узкого переулочка приня-

лась выбираться «газель». Даже для такого небольшого грузовика угол поворота был очень острый, машина принялась маневрировать туда-сюда, а я посмотрел на дом, возле которого сегодня занимался облагораживанием участка. Двухэтажный дом на окраине поселка, где нет никакой посторонней охраны. Его не видно с трассы, но остановка автобуса менее чем в трех минутах ходьбы...

– Out of town only, – негромко, но отчетливо сказал высокий иностранец.

– Послушайте, мистер Ричард... Вы ведь ищете загородный дом, я правильно вас понял? – спросил я.

– Да, совершенно верно, – ответил американец.

– Посмотрите на этот, – показал я пальцем на свою дачу. В этот момент я даже не предполагал всерьез, что миссионеры хоть как-то заинтересуются. Посмеются, да поедем дальше. Минут через сорок я сюда вернусь с честно заработанной двадцаткой, и продолжу свое занятие.

«Газель» наконец-то выбралась из переулка и направилась к трассе. Я включил первую скорость и поехал следом. Сидящий рядом со мной высокий повернулся ко мне затылком – видимо, он внимательно смотрел на проплывающий справа от машины забор участка.

– По-моему, это интересное место, брат Ричард, – послышалось сзади.

– По крайней мере, лучшее из того, что мы видели, точно... Молодой человек, притормозите, пожалуйста.

Я не стал заставлять себя упрасивать. Американцы вышли из машины и принялись внимательно рассматривать дом, забор и то, что они еще тут могли видеть. До меня доносились обрывки фраз на английском: «место хорошее... дом мал... сейчас лето, можно прямо на участке... кажется, тут достаточно тихо...»

– Вы знаете, – нагнулся к окну Ричард, – мы, наверное, не поедем в отель. Нам придется кое-кого найти.

– Вы говорите о хозяине этого дома? – спросил я.

– Не буду отрицать, мне бы хотелось с ним познакомиться.

– В таком случае, – сказал я, выходя из машины, – велкам.

Хозяин этого дома – я.

* * *

– Ого, это как ты настолько быстро сумел управиться? – удивилась Татьяна, впуская меня в квартиру.

– Сей час расскажу, – заявил я. – Ты просто упадешь!

– А зачем пиво принес?

– Сейчас узнаешь... Тащи кружки, есть повод веселиться!

– Ну... У нас как бы гости, – несколько смущенно сказала Таня.

– Экая беда! Кружек на всех хватит!.. А кто, кстати?

– Эльвира. С нашей работы новая сотрудница... Помнишь, я тебе рассказывала?

Если честно, я не помнил ни единого случая, чтобы Та-

ня мне хоть что-то рассказывала про какую-нибудь Эльвиру с их работы. Хотя, справедливости ради, бывало (и не раз), что я просто пропускал мимо ушей малоинтересную для меня информацию, получаемую от Татьяны – в основном как раз касающуюся ее сотрудниц: кто от кого ушел, кто с кем сошелся, у кого муж сволочь, ну и так далее.

Поэтому я пробурчал что-то похожее на согласие, и полез в сервант за пивными кружками.

– Не надо, наверное, – неуверенно произнесла Таня.

– Она не пьет пиво? – спросил я.

– Нет.

Я убрал одну кружку обратно.

– Убирай вообще.

Так, это уже интересно. Таня, конечно, пьет гораздо меньше меня, а я ведь сам далеко не алкоголик, что бы там ни говорил мой бывший тесть. К тому же еще не было случая, если я по какому-нибудь случаю приносил баклажку пива, бутылку вина или фляжку коньяку, а моя гражданская жена вдруг отказалась бы составить мне компанию, хотя бы и символически. Исключения происходили два-три раза, но это когда мы находились в состоянии суровой ссоры и не разговаривали, а сейчас-то что творится? И что это за Эльвира такая?

При всех своих достоинствах имелся у Тани один очень большой недостаток: она была излишне подвержена влиянию со стороны приятельниц. И ладно бы дело касалось шопинга или кулинарных изысков – так нет! Почему-то она как

магнитом притягивала каких-то сумасшедших бабенок, исключительно незамужних и свихнувшихся то на фэншуйе, то на спиритизме, то на стране Лемурии. А то и на радикальном феминизме – это вообще сушите весла. До нашего знакомства ее даже разок соблазнили (Таня сама как-то призналась), да и после знакомства мне самому однажды пришлось чуть ли не с лестницы спускать излишне навязчивую подружку-мужененавистницу. То есть, не могу сказать, что я пребывал в восторге от Таниных новых приятельниц.

Тем не менее, от знакомства все равно теперь не отвертеться. Похоже, Эльвира надеялась – они посидят с Татьяной вдвоем, а тут на тебе – мужик притащился, да еще с пивом, тогда как женщины решили культурно ударить всего лишь по бисквитам с чаем.

Новоиспеченная Танина приятельница действительно не пила и не курила. Вообще. Кстати, она оказалась очень красивой, будучи внешне почти полной противоположностью Тане. Чтобы представить Таню, посмотрите фильм с Линой Ромэй в ее лучшие годы – невысокой симпатичной блондинкой среднего роста с мягкими формами. В отличие от нее Эльвира была сравнительно высокой, с точеной фигурой (насколько это можно было предположить, учитывая ее сравнительно чопорную манеру одеваться), с правильными чертами лица и аккуратно подстриженными в каре почти черными тяжелыми волосами. Глаза карие, нос небольшой, губы, едва тронутые помадой, пожалуй, тонковаты. Никаких колец

и браслетов (только часы), простейшие серьги, а на шее тонкая цепь с небольшим крестиком.

Поначалу меня немного раздражала артикуляция Эльвиры – ну, знаете, еще совсем недавно у некоторых девушек и метросексуальных юношей был такой «тренд» – имитировать иностранный акцент путем растягивания гласных и глотания окончаний слов. Но, несмотря на то, что мы беседовали совсем недолго, я вскоре сумел убедиться, что девушка остроумна, неглупа и начитана, да и вообще, хорошо понимает, что вокруг происходит. Тут, кстати, и Таня начала проявлять некоторое беспокойство: а не слишком ли много я начал уделять внимания ее новой знакомой, да еще молодой, умной и красивой одновременно?

Поэтому я подумал и, убедив самого себя в том, что у меня нет криминального интереса к Эльвире, ретировался на балкон, причем с пивом и сигаретами, где принялся отравлять свой организм в одиночестве. Мне, конечно, не терпелось рассказать Тане о том, как я лихо провернул сегодня сделку, сам того не ожидая, но мне не хотелось делать этого при посторонних. Пусть даже молодых, умных и красивых.

* * *

... «Брат Ричард», который носил хрестоматийную фамилию Бэрримор, остался доволен осмотром. Да, конечно, определенное запустение участка есть, но это не беда – при-

хожане приведут сад в порядок. Да, не очень хорошо, что в доме облупилась краска и отстали обои – но прихожане будут счастливы сделать мелкий ремонт самостоятельно. Печь выполнена в форме камина – просто превосходно! Баня, конечно, в таком виде не очень удобна, но прихожанам она не пригодится, да это не такое уж тяжелое испытание среди тех, что дарует нам Господь... А вот летняя кухня с прилегающим сараем выполнена весьма удачно – прихожане доведут ее до ума и в теплое время тут будет организована трапезная.

«Брат Дэвид» по фамилии Старлинг скептически отнесся к покосившейся уборной, но заявил, что для прихожан она сойдет, а миссионерам придется заказать для себя биотуалет. После краткого религиозного диспута на тему «является ли наличие вонючего деревянного сортира божьим испытанием», миссионеры пришли к выводу, что вряд ли Господь станет настолько изощряться в мелочах, и потому заказ биотуалета стал делом практически решенным.

Но только, разумеется, после того, как будет решенным делом аренда этого дома и участка под нужды миссии Всемирной евангельской церкви Нового Завета.

Как известно из классики, согласие – это результат полного непротивления сторон. Конечно, принимая во внимание состояние построек и необъяснимое отсутствие трубопроводных коммуникаций, о четырех тысячах долларах в месяц речи и быть не может. Может быть, мистера Маскаева устроит сумма в семьсот долларов?

Вообще-то «мистера Маскаева» вполне устроила бы сумма в семьсот долларов. И даже вдвое меньшая. Ясно было, что американцы хоть чуть-чуть и разбираются в ценах на загородную недвижимость, но понять до конца, что такое «дача» в советских традициях, они просто не в состоянии. Убедившись в том, что им еще никто не пытался объяснить сущность дачной жизни, «мистер Маскаев» рискнул поднять цену до тысячи. Миссионеры вежливо засмеялись, и торг закончился на восьмистах долларах в месяц, исключая текущие расходы.

По-моему, от подобного предложения отказался бы только полный идиот. Я, правда, закинул удочку насчет продажи, но американцев это не заинтересовало. Может быть, когда-нибудь потом... Набравшись еще наглости, я потребовал плату за три месяца вперед. Миссионерам это не понравилось абсолютно, но на два месяца они все же согласились. Я сразу же прикинул стоимость «Жигулей», и убедился, что если вложить еще немного, то грузовик, можно сказать, у меня в кармане. И при этом – что особенно приятно – дача останется у нас и будет еще приносить стабильный доход, по крайней мере, в течение года. И даже в зимние месяцы. Хотя я плохо представлял, как будут справляться американцы в тридцатиградусные морозы, и даже осторожно поинтересовался, знают ли они там у себя в Штатах про то, что такое настоящая зима? Ричард Бэрримор усмехнулся: он родился и вырос в канадском Доусоне, на том самом Юконе,

а в тех краях стужа позлее будет, чем в Западной Сибири. Дэвид Старлинг, всю жизнь проживший в Бруклине, что в Нью-Йорке, только вздохнул.

...Примерно через час у меня закончилось пиво, а женщины к тому времени наелись пирожных. Эльвира тепло попрощалась с Татьяной, а вот со мной – как-то уж очень сдержанно. Я не преминул это отметить про себя, а потом все же не удержался и спросил: а не имеет ли подружка склонности к феминизму? Хотя имел в виду совсем иное слово. Татьяна все поняла и хохотнула:

– Ни в малейшей степени. У нее муж есть, я видела, как он за ней после работы несколько раз приезжал.

– Понятно... Парень-то серьезный?

– Я его только издалека видела. Откуда я знаю? Машина простая, какая-то небольшая японка, вроде как нас была. Правда, Эльвира тоже иногда ездит на новом «шевроле», так что они вроде бы не бедствуют.

– Судя по всему, я ей не особо понравился...

– Еще бы! У них, знаешь, спиртное и особенно табак очень даже не в почете. Кстати, тебе бы тоже не мешало завязывать...

– Ну, начинается!

– Ничего не «начинается»! Ты же сколько раз говорил, что без повода и сам не видишь необходимости...

Нет, подружки – это реальное зло! Не знаю, как и чем эта Эльвира пролечила Таньку, но я от злости даже забыл похва-

статься сегодняшней сделкой, которая, кстати, и была поводом для небольшого угощения мелкоградусным напитком.

В общем, наш дальнейший диалог пошел в несколько напряженных тонах. Мы припомнили друг другу ряд взаимных неадекватных поступков, совершенных как сравнительно недавно, так и в более исторические эпохи. Ну, это было занятием почти привычным, более того, с некоторых пор оно превратилось в почти обязательный ритуал. С ритуальной же фразой «я тебе отдал (отдала) мои лучшие годы», после которой (неважно, кто из нас ее произнес), ссора прекращалась и начинала превращаться в вечер юмора и неприличных шуток. Поэтому лишь через полчаса, поглаживая лежащую рядом Таню кончиками пальцев по голой спинке, я вспомнил эту фразу: «У них, знаешь, спиртное и особенно табак очень даже не в почете».

– Это у кого это «у них»? – спросил я лениво, повторивши эту фразу.

– В той церкви, куда Эльвира с мужем ходят... – не менее лениво промурлыкала Таня.

– Они что – типа сектанты?

– Сам ты сектант, Маскаев... У них там все по серьезному. Денег, по крайней мере, никто не тянет, как в других... Есть, конечно, кое-что, чего я пока не понимаю.

– «Пока»? То есть, ты хочешь влиться в ряды этой паствы?.. Н-да, я был о тебе лучшего мнения. Вообще интересно. Сектанты обычно ловят на удочку людей одиноких, без

положения и перспективы, и вообще потерявших себя в этой жизни. Ты-то чего там забыла?

– Ой, прекрати уже. Сам знаешь, какие у нас тут «перспективы». И в общем, и в частном. А у них там, по-моему, интересно. Пойдем, сходим как-нибудь вместе. Все равно ты бездельничаешь.

– А вот тут ты ошибаешься, – я опять начал сердиться. – Я сегодня провернул отличную сделку по нашей даче.

– Нашел покупателя за пятьсот тысяч? – скептически поинтересовалась Таня.

– Нет, – торжествующе ответил я. И в красках изложил мою беседу со служителями иностранного культа.

– То есть, мои контакты с малопонятными церквями все же приносят какую-то пользу, – подытожил я. – Какой прок тебе от Эльвиры и ее друзей? Время убивать только.

– Подожди-ка. Ты еще ни копейки с этих американцев не получил... Мне другое не совсем понятно пока... Как, говоришь, этот Ричард назвал их секту?

– Во! Как у Эльвиры, так «церковь», а как у амеров, так «секта»! Впрочем, называй как хочешь, мне абсолютно поровну, какие принципы они там у себя исповедуют и какой рукой крестятся. «Всемирная евангельская церковь Нового Завета», так он сказал.

– Ты знаешь, – заговорила Татьяна после небольшой паузы, – мне не нравятся такие совпадения. Вспомни, как некоторое время назад вашу фирму купили японцы, и как почти

одновременно с этим тебе подкинули сувенир, из-за которого нам обоим потом чуть не отрезали головы...

Вообще, Таня отчасти права. Со мной иногда происходят такие закономерные случайности... Или случайные закономерности. Результат которых, как правило, непредсказуем, но почти всегда неизменно малоприятен.

– Это ты про Эльвиру насчет совпадения?

– Да не то что бы... Ты знаешь, они ведь называются точно так же!

– Неужели слово в слово?

– Кажется, да. Точно, «евангельская церковь Нового Завета»! Эльвира так и называла ее.

– Ну тогда кое-что с ней понятно!

– Что именно?

– Ты заметила, какая у нее манера разговаривать? Я как-то беседовал с одним православным священником, он так объяснял: необычная артикуляция, в основном у молодежи, связана как раз с тем, что они являются прихожанами иностранных церквей, по сути сект. Их руководители говорят с акцентом, как правило, с английским, и это неизбежно передается собеседникам. То есть, сакральный язык в каждой церкви свой, и это обязательно отражается на прихожанах.

– Это с каких пор ты стал общаться со святыми отцами?

– Да, это был один момент... Несущественный. Ходил как-то на бесплатные лекции.

Это было еще до Татьяны. Хотя уже и после развода. То-

гда я сошелся с одной девушкой, у которой на беду оказался брат-наркоман. Помню, я в течение порядочного периода времени принимал проблемы их семьи довольно близко к сердцу, вплоть до принудительного и весьма зверского «лечения» брата, и попыток направить его потом куда угодно, пусть даже в церковь. Неважно притом в какую. Не знаю, чем там все закончилось, я в конце концов расстался с той девушкой и, думаю, правильно сделал.

– Несущественный... – задумчиво повторила Таня. – Слушай, а мне что-то не нравятся твои проповедники. Поскольку я живу с тобой уже не первый год, то в случайности верить давно перестала.

– То есть, ты считаешь, что тебя принялась охмурять Эльвира, а тут раз – и на меня с другой стороны надели служители культа. Этак с двух сторон они нас обработают, и через два-три месяца мы уже не будем принадлежать сами себе.

– Никто меня не охмуряет, да я и не думаю, что кто-то решил «наседать»... Ну, какой интерес можем мы для кого-то представлять?

– А вот. Помню, читал какой-то детектив. Там деловые люди пронюхали, что некий гражданин должен получить баснословное наследство из-за границы, так под это дело они с нуля слепили секту в духе Виссариона, втянули в нее мужика, и он переписал им все, что у него есть и даже то, чего у него нет. А так он и сам еще не знал, что ему скоро привалят большие деньги.

– Тебе, – веско сказала Таня, – уже «приваливало» какое-то подобие наследства. В итоге оно ничего хорошего никому не принесло, да и предназначалось оно, в конечном итоге, другому человеку.

– Это не тот случай. И, может быть, дело вовсе не в нас? Может быть, кого-то, не знаю точно – тебя или меня, просто используют для того, чтобы мы, сами того не зная и не желая, помогли неизвестно кому в каком-то деле? А раз человека используют втемную, то значит и дело это почти однозначно темное.

– Пока нет никаких явных признаков того, что нас хотят использовать.

– Согласен, может быть, я сгущаю краски, ничего неприятного нет, но, может быть, это не мои американцы подозрительны? А как раз наоборот – твоя Эльвира?

– Ерунду несешь, Маскаев! Откуда она-то могла еще четыре дня назад знать, что с тобой именно сегодня познакомятся эти миссионеры?! И потом – твоя церковь американская, а у Эльвиры...

Татьяна замялась.

– Вот! Все эти евангельские приходы созданы за бугром, оттуда же и финансируются! – уверенно заявил я. – У нас доморощенные культисты ведут себя иначе: либо это безобидные обливанцы по методу Иванова, либо их глава – никак не меньше, чем сам Иисус, воплощенный в какого-нибудь завлаба или медсестру. Таня, я опять напоминаю, что твоя при-

ательница говорит с каким-то странным акцентом!

– Это ни о чем не говорит! Я помню, давно еще, пыталась торговать «Гербалайфом», так вот, там практически все, кто до более-менее высоких уровней дошел, тоже с такой артикуляцией разговаривали.

– Ну, не надо забывать, что руководители высоких уровней тоже иностранцы. И что манера речи у работающих в сетевых маркетингах тоже может передаваться сверху вниз...

– Ладно, убедил. Хорошо, допустим, в церкви, куда ходит Эльвира, заправляют американцы... Да подожди ты, я сказала «допустим». Так вот, более чем странно, что одна и та же церковь сначала приглашает меня посетить их собрание, а параллельно затевает с тобой сделку по съему дачи.

– Ладно. Так что тогда делать будем?

– Надо разобраться, закономерно тут все или случайно. Может быть, Эльвира действительно никакого отношения к твоим миссионерам не имеет. А до тех пор, может быть, потянешь время с ними? Ну, хотя бы на два-три дня?

– На пару дней максимум, – сказал я. – Нам нужны деньги. А тут как раз деньги, неплохие и сравнительно легкие.

– Завтра вечером сходишь со мной на собрание? – спросила Таня тихонько и прижалась ко мне. – Я обещала Эльвире, что приду сама и тебя приведу.

Если даже не принимать во внимание иностранные инвестиции в мой карман, я в любом случае готов был отправиться с Таней на сборище. Хотя бы затем, чтобы посмотреть,

в какое болото ее пытаются затащить, и каким образом не допустить того, чтобы она разрешила проделать над собою подобное насилие.

ГЛАВА ВТОРАЯ

– Послушайте, мистер Маскаев, мы бы хотели закончить наши дела именно сегодня!

– Прошу прощения, мистер Бэрримор, но сегодня у меня форс-мажорные обстоятельства! К сожалению, я сегодня очень занят, и смогу оформить сделку только завтра.

«Брат Ричард» долго еще сокрушался на русском и английском языках по поводу того, что их церковь так надеялась на то, чтобы все прошло как можно скорее, и что чем быстрее заработает миссия, тем будет лучше для всех, не только миссионеров, но и для «мистера Маскаева», а главное – для тех сибиряков, которые уже много лет жаждут прикоснуться к великой истине, но пока не имеют такой возможности. Я осторожно заметил, что один день мало что изменит для тех, кто ждет годами, в ответ получил легкое обвинение в недальновидности, а также твердое обещание в том, что дверь миссии всегда будет открыта не только для меня, но и для всех, кого я смогу привести. Если не ошибаюсь, Бэрримор намекал на определенную мзду, и я сделал для себя небольшую мысленную заметку на будущее.

Пора было думать о настоящем. Примерно полдня я убил на то, что лазил по сайтам, где продавали бывшие в употреблении японские автомобили, отмечал объявления в газетах и

звонил, звонил... Во второй половине дня я пришел к выводу, что четверть подающих объявления – жлобы, каких мир не видывал, другая четверть – просто неадекватные люди, а еще четверть успела продать свои машины еще до того, как их объявления увидели свет. В оставшейся четвертой части всё было как всегда – либо по деньгам, но «дрова», либо прилично, но запредельно дорого. Так что к моменту нашего выезда на собрание секты или, если угодно, церкви, я пребывал в весьма дурном настроении.

Поехали мы на наших старомодных «жигулях», так как до дома культуры имени Островского, где проходили эти встречи, надо добираться через весь город и (в случае использования общественного транспорта) с кучей пересадок. В любом случае на авто быстрее.

В благословенные девяностые, помню, плюнуть было некуда, чтобы не угодить в какого-нибудь активного культиста, приглашающего восславить Иисуса, Кришну, а то и представителя «темных сил». Сейчас, по всей видимости, рынок религиозных услуг насытился, перешел в фазу стагнации и до определенной степени скрылся в подполье. Не надо забывать, что основные наши конфессии терпеть не могут сектантов, потому что переживают за незрелые умы молодежи, или просто не выносят конкурентов – в сущности, истинные причины не так уж и важны. Важно то, что и в девяностые, и сейчас, борьба за неохваченные слои населения ведется, хотя сегодня это и не так заметно. К тому же, среди

неохваченных остались ведь не только колеблющиеся, но и точно знающие, что им нужно от этой жизни. Такие, как я, например.

В холл дома культуры входили прилично одетые мужчины и женщины, некоторые парами, реже – небольшими компаниями, кое-кто – в гордом одиночестве. Мы с Татьяной торжественно, под руку, точно молодожены, поднялись по широкой мраморной лестнице к входу, где, возле массивных стеклянных дверей нас поджидала чета Столяровых – Эльвира и ее муж – крупный, широкоплечий и зубастый. Мы все поздоровались, я пожал руку мужчине. «Павел», – коротко представился тот, встряхивая мне кисть. Рукопожатие было крепким. Да и выглядел Столяров относительно прилично – костюм с галстуком, кожаная барсетка... Если менеджер, то не нижнего звена, но если бизнесмен, то вряд ли птица высокого полета.

На собрании в зрительном зале, где присутствовало чуть менее полусотни человек, мне сразу же стало скучно, к тому же, подобные картины я видел и раньше. Стоящие на сцене произносили цитаты из разных Евангелий, краткие, словно посты пользователей твиттера, сидящие в зале согласно бормотали, кое-кто из них затем поднимался, чтобы изложить свою точку зрения на театр абсурда, происходящий в стране и в мире, и подкрепить ее опять-таки фразой из Писания. Заметил я только одно – ни у кого, даже явно у старших «братьев» не было ни малейшего намека на псевдоанглий-

ский акцент. Ну, разве что, у пары девушек. Так что, артикуляцию Эльвиры вполне можно было списать либо на издержки имиджа, либо на тлетворное влияние какого-нибудь сетевого маркетинга – многие же прошли через разного рода MLM в свое время. Тоже, кстати, своего рода культ.

Ближе к концу собрания человек пятнадцать со сцены затянули какой-то гимн, все в зале встали (пришлось и приглашенным, включая меня, оторвать свои зады от стульев), многие взялись за руки и принялись внимать. Кто знал слова, потихоньку подпевал. Краем глаза я посмотрел на Татьяну, опасаясь увидеть признаки излишнего сопереживания происходящему. Но, вроде, пока ничего такого не было заметно – ни блестящих глаз, ни покрасневших щек. Стоит просто, смотрит, да слушает себе – ладно, пока вроде ничего страшного.

После песнопения и последовавших за ним отрывочных и нестройных инвокаций с мест, кто-то притащил брошюры. Ну, что ж, знакомство с инструкцией по эксплуатации никогда не было лишним. Пока завсегдатаи с явно искренней теплотой неформально общались друг с другом в отделанном зеркалами, мрамором и золочеными колоннами вестибюле ДК, я отошел немного в сторону и перелистал брошюру. Сделана достаточно качественно, тисненая зеленоватая обложка, плотная бумага, хорошая полиграфия. Отпечатана в Туле, не ближний свет, конечно... Ну, по тексту, впрочем, все ожидаемо: слава Иисусу, кто не верует, тот подобен

слепому и все такое. Ага, вот собственно, и название мелькнуло: «Всемирная Евангелическая Церковь Нового Завета». Почти то же самое, но все-таки одно отличие нашлось. Интересно, насколько оно существенно?

Я поискал глазами Павла, он как раз что-то излагал небольшому кругу «братьев» и «сестер», а также интересующихся (в лице Татьяны). Компетентно излагал, не иначе... Я приблизился, и Павел воскликнул:

– А вот, кстати, наш новый гость на этой встрече... Андрей, коль скоро вы здесь, у вас наверняка возникли какие-то вопросы? Если так, спрашивайте, не стесняйтесь!

Ну, держись, братец Заяц...

– Будьте добры, объясните мне, в чем разница между понятиями «евангельский» и «евангелический»? Я предполагаю, что разница тут не только семантическая, но и богословская, так ли это?

Павел широко улыбнулся и без малейшей неуверенности изрек:

– Когда мы говорим «евангелический», то подразумеваем род занятий человека или организации, но ничего не говорим об их конфессиональной принадлежности. Тогда как «евангельский» обычно относится к одному из основных направлений христианства, хотя не обязательно идентифицирующий ту или иную конфессию. Наша церковь относится к евангелическому направлению христианства, но у нас есть евангелисты по роду занятий, хотя я, например, таким

не являюсь, поскольку род моих основных занятий лежит в несколько иной плоскости.

– То есть, в названии вашей церкви заключено более широкое понятие, нежели у некоторых протестантских конфессий? – спросил я, не без труда сумев разложить по полочкам довольно витиеватое разъяснение.

– Совершенно верно! – почти с радостью подхватил Павел, но я видел, что он несколько озадачен. Видимо, вновь приглашенные, как правило, задавали совсем иные вопросы. – Грубо говоря, церковь, которая позиционирует себя как «евангельская», по нашему мнению, излишне ортодоксальная, в худшем смысле этого слова, а ее прихожане перегружены догмами. Которые, если подумать, в современном обществе выглядят так же нелепо, как табу примитивных племен.

Собравшиеся кружком одобрительно забормотали.

– Это очень похоже на экуменизм, – я выразил своим тоном сомнение в самой сущности этого слова.

Таня смотрела на меня с удивлением. Действительно – религиозные диспуты на дому мы еще никогда не устраивали. Но она, скорее всего, предполагала, что я неспроста принял вызов, и ждала от подвоха от моих реплик. Она хорошо знала, как я люблю выставлять убежденных в своей правоте людей на посмешище.

– Что есть экуменизм? – произнес Павел. – Единство – это всегда благо, в отличие от раскола. Вот, послушайте... –

Он открыл Библию, перелистал несколько страниц и изрек. – «И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут едино, как Мы едино. Я в них, и Ты во Мне; да будут совершены воедино, и да познает мир, что Ты послал Меня и возлюбил их, как возлюбил Меня». Евангелие от Иоанна. Сам Иисус не был противником экуменизма, если уж на то пошло.

– Все понятно, – я кивнул. – «Пусть расцветают все цветы». Раз вы предполагаете определенную широту взглядов и отказываетесь от жесткого набора догм, не предписывает ли «всемирная Евангелическая церковь Нового Завета» каких-нибудь принципов, правил и ограничений для прихожан?.. Если я правильно привожу здесь этот термин, конечно.

– Мы называем друг друга братьями и сестрами, – сухо заметил Павел. —

Мы не стремимся подавлять волю или навязывать ограничения, подобно некоторым религиозным организациям, руководители которых уверяют, что действуют именем Иисуса. Мы не запрещаем переливания крови. У нас нет разграничения типов пищи на постную, скоромную, кошерную или какую-то еще подобную. Некоторые из нас позволяют себе употреблять алкоголь в небольших, естественно, количествах, хотя лично я считаю это излишеством на грани греха. Наркотики, включая табак, мы не приемлем. Что касается вопросов проявления веры, то у каждого человека они индивиду-

альны. Одному нужно все стены увешать иконами – ради Бога! Другому достаточно распятия над телевизором – не проблема, да и неплохо – лишний раз подумает, стоит ли смотреть всякие мерзости. Третий носит крест на груди – значит, он считает, что Иисус всегда с ним. Четвертый вообще может обходиться без символов – это его право, если Господь находится в его душе.

Нет, Павел – это несомненно, подготовленный собеседник. Я решил его подколоть:

– Разве принцип безразличия к конфессии, при условии веры в бога, не один из ключевых постулатов в масонстве?

– Если забираться так глубоко, то наш ключевой принцип – это, как говорят по-английски, «open communion». Согласно ему, нашим братом может стать любой крещеный христианин, не отрицающий Троицу, но и признающий Иисуса как Господа нашего. Если вы действительно хоть что-то знаете про масонов, то наверняка знаете и то, что они отвергают этот постулат.

– А как вы давно существуете? – сделав вид, что отсыл к англоязычным принципам прошел мимо моих ушей, я перешел к примитивным вопросам.

– Как общественная организация наша церковь зарегистрирована в девяносто втором году, но ее подвижники подготовили задел еще в семидесятые...

– Приходилось слышать, что все евангелические приходы в России изначально созданы за рубежом, либо организова-

ны здесь иностранными миссионерами. Как насчет вас?

– Мимо, – просто ответил Павел. – Наша церковь создана на территории России, вернее, еще Советского Союза, исключительно силами наших соотечественников.

– В названии есть слово «Всемирная»...

– Наши братья и сестры есть и в других странах...

– Да и принцип «open communion» изобретен далеко не в Советском Союзе. Это можно заключить исходя только из одного лишь названия.

– Многие принципы, устройства и даже предметы изобретены в других странах. Вот у девушки в руке телефон. Вот у меня простой блокнот. Они изобретены на Западе, но это же не значит, что ими нельзя пользоваться в нашей стране! Наконец, само христианство пришло к нам с Ближнего Востока, не надо забывать и об этом.

Та-ак, еще не демагогия, но уже софистика... Но и я выдохся – пожалуй, мне Павла не одолеть. Он, все-таки, специалист в словесных баталиях, куда уж мне до него... Хотя напоследок почему бы не озадачить?

– Мне точно известно, – сказал я, – что в нашем городе есть миссия, секта или конфессия, не знаю, к какому виду культов ее отнести... Но называется она практически так же, как и ваша церковь, а именно: всемирная, именно евангелическая и именно Нового Завета. Если это не совпадение, то что тогда?

– Я вам не верю, – произнес Павел.

– Это чистая правда. И заправляют в той церкви самые настоящие американцы.

– Я не думаю, что они имеют к нам хоть какое-то отношение. Более того, я уверен, что они вообще не те, за кого себя выдают.

– Откуда такая уверенность?

Павел вновь пролистал Библию и произнес:

– «Ибо люди эти – лжеапостолы. Они обманщики в своих трудах и пытаются выдать себя за Апостолов Христовых». От Матфея.

Пожалуй, для человека верующего это было бы железным аргументом. Для меня – не особенно. Но я больше дискутировать не мог. Да и Павел напустил на себя такой вид, будто ему пора собираться. К тому же, к мужу подошла Эльвира и бросила быстрый взгляд на свои часы.

– Я надеюсь, что у нас еще будет возможность поговорить, – сказал мне Павел на прощание с улыбкой, чуть кислой.

– Возможно, – ответил я и тоже слегка осклабился. Мне не очень хотелось сюда возвращаться, но сам Павел показался мне интересным собеседником. Я давно не получал такого удовольствия от дискуссий.

...Домой мы возвращались поначалу в молчании, которое только минут через десять нарушила Таня:

– Я думала, что хорошо тебя знаю. А оказывается, это совсем не так. Ты меня удивил сегодня.

– Я вообще-то не только сериалы по зомбоящику смотрю, ты же это знаешь...

– Конечно. Но ты с Павлом дискутировал на равных, а Эльвира меня уверяла, что новичку Павла убедить невозможно. Я ведь заметила, что он понемногу начал сдавать позиции...

– Это она тебя задержала? – спросил я. Под разговор я завел машину, а сам отошел чуть в сторону покурить – почему-то мне не очень хотелось, чтобы культисты видели меня с сигаретой.

– Да, она предложила мне снова прийти на собрание.

– Без меня?

– Об этом не было разговора.

– Похоже, я ей совсем не нравлюсь.

– Почему-то да. Но ведь ты же не собирался, как ты любишь иногда делать, Павла дураком выставить?

– Павел оказался достаточно умен для того, чтобы выставиться дураком... А с чего ты так решила?

– Так бывало же, что ты чего-нибудь такое отмочишь, и потом с нами хорошие люди перестают общаться.

Я отлично знал, на что Таня намекает. Как-то она увлеклась астрологией, причем в самом примитивном ее проявлении, ну, сами знаете, это вроде когда женщины читают «гороскопы» в дамских журналах и пытаются следовать советам. Я некоторое время работал экспедитором в одной крупной редакции и видел собственными глазами, как там у них спе-

циально обученный человек сочинял «астропрогноз» в очередной номер. Сидя в курилке, он рассуждал примерно так: «вчера Овнам мы советовали быть осторожнее на дороге. Ага, значит, сегодня пусть остерегаются возвращаться домой позже полуночи. А Ракам чего бы напророчить?.. О. Вечером возможна романтическая встреча». И так далее и тому подобное. Я почти уверен, что штатные астрологи в средствах массовой дезинформации, включая телевидение и глянцево-журналы, сочиняют зодиакальные руководства к действию примерно таким же образом. Как-то я изложил эти наблюдения и соображения одной из Таниных приятельниц, и сразу же превратился в ее личного врага. И другая дама тоже дико обиделась, когда у нее с моей подачи вышел конфуз. Как-то мы с Таней были приглашены на какую-то вечеринку, женщины после третьей порции мохито принялись обсуждать гороскопы, и тут я (приняв кое-чего покрепче) вдруг решил поразить их своими глубокими познаниями. Сказал так примерно: «Девушки! Про восточные и друидские гороскопы уже все давно знают, а вот в курсе ли вы, что у северных народов, ну там чукчей и прочих эскимосов, тоже свой собственный гороскоп есть?» Ну, дамочки, конечно, глаза-то вылупили, а я продолжил: «У них он, конечно, примитивный, всего-то три знака – Олень, Тюлень и Таймень». Те из женщин, кто меня хотя бы немного знал, шутку оценили, а вот одна мадам (с высшим образованием, кстати), где-то впоследствии решила блеснуть эрудицией. Блеснула. С нами

она с тех пор действительно не здоровается.

– Это ты про Трефильникову? Ну так она ж настолько блондинка, что даже слово «бутик» до недавнего времени произносила с ударением на первый слог. Еще раз говорю, что умного человека я не стану дураком выставлять. Это бессмысленно, еще и самого, чего доброго, дебилом станут считать.

– Может быть, мне перекраситься? – рассердилась Таня, потряхнув своими чудесными волосами.

– Не вздумай. Дело ведь не в цвете волос. Ты-то у меня девочка умная, а с такой, как Трефильникова, я и недели бы прожить не смог.

Кстати, это было чистой правдой, и Таня это знала. Но знала она и о том, что ее прогнозы относительно моих авантюр имеют свойство сбываться, а потому быстренько сменила тему и сказала почти безнадежно:

– Может, ты все-таки не будешь сдавать дачу твоим сектантам?

– А может, я сам решу, как мне поступать?

– Эта дача, вообще-то наша общая, и я тоже имею к ней какое-то отношение...

– Послушай. У этих попов, конечно, могут быть причуды, но я уверен в одном: дачу сдаю не пьяницам, не азартным игрокам и даже не обычным весельчакам, которые ездят на отдыхалово с девками, гитарами и большими ящиками с пойлом. По крайней мере, американцы точно не загадят

участок и не сожгут дом. Ну и соседям они вряд ли создадут проблемы.

– Насчет соседей... Лидия Степановна, кстати, та еще варвара с длинным носом. Ей все надо знать, а как она узнает о чем-то таком, что не укладывается в ее мозги, сформированные году этак в пятидесятом, то начнет бить тревогу. Я думаю, когда она слышит слово «американец», то у нее сразу же в голове возникает образ носатого злодея в полосатом цилиндре и с ядерной ракетой подмышкой, вроде того, как раньше в журнале «Крокодил» рисовали.

– Ты права, к американцам у многих традиционно настроенное отношение, – сказал я. – За это спасибо пропаганде. Но если мы с тобой все наши поступки будем поверять мнением каждой лидии степановны в городе, то...

– Ладно, Андрюха, делай что хочешь, только потом не говори, что я тебя не предупреждала!

– Потом ты и сама скажешь, что ошибалась! Поверь, если я берусь за дело, то это значит, что все будет хорошо!

Я думаю, что звонкий заливистый смех, последовавший за этой фразой, как нельзя лучше подтвердил правоту моих слов.

...На следующий день все действительно прошло хорошо и на удивление гладко. Договор аренды был составлен, согласован и затем подписан с одной стороны – мной, а с другой – представителем иностранной общественной организации «The worldwide Evangelical church of the New Testament».

Представителем оказался вовсе не «брат Ричард», а третий член миссии, которого я раньше не видел – «сестра Кэсси», она же мисс Роузволл, оказавшаяся немногословной и невзрачной женщиной неопределенного возраста, среднего роста и веса, с волосами средней длины, практически пренебрегающая косметикой. Затем мы с мисс Роузволл сели в белый «форд», и поехали в гостиницу за миссионерами мужского пола. Сестра Кэсси, вопреки моим опасениям, водила машину превосходно, несмотря на довольно нервный режим движения в нашем городе. Словом, до гостиницы, а затем и до дачи мы доехали нормально. Возле отеля нас ждали Бэрримор и Старлинг, которые без лишних слов сели в авто. «Брат Ричард» то и дело бормотал «оу, Джизэс Крайст», когда нас подрезали другие автомобили, или когда «сестра Кэсси» вдруг агрессивно поддавала газу и объезжала затор по крайнему правому ряду, впритирку к припаркованным у тротуара машинам. Женщина действительно умела управлять автомобилем и ей, похоже, нравился сам процесс вождения.

Вселение «святой троицы» в дачный дом прошло тоже без помех. «Сестра Кэсси» недовольно потряхивала головой с прямыми, чуть рыжеватыми волосами, когда проводила холеными пальцами с коротко подстриженными ногтями по облупившейся краске оконных рам и стеновых панелей, по шершавым обоям в темных пятнах, по неровной побелке каминной полки... Зато «братья» были довольны. В отличие

от их коллег из отечественной, почти одноименной, церкви, эти не погнушались приложиться к рюмочке. На стол была выгружена бутылка виски (судя, по наклейке, купленная не далее ближайшего «Ашана»), к ней – бутылка обычной питьевой воды. Американцы резонно посчитали, что льда летом на пустующей даче они могут не найти. Зато они были уверены, что стаканы я найду, и не ошиблись.

Не успел я обрадоваться тому факту, что гости из-за океана хорошо усвоили наши традиции, как пришлось разочароваться. Виски было плеснуто буквально на пять миллиметров в каждый стакан, зато воды было добавлено столько, что цвет напитка стал почти незаметным. Второе разочарование последовало сразу же, потому что после обмытия сделки, почти нетронутая бутылка с виски была немедленно закупорена и убрана в буфет. Мисс Роузволл заявила, что теперь пора всем заниматься своими делами, а это означало, что арендодателю пора убираться восвояси.

Нет, все-таки им никогда не перенять местных обычаев! Хотя, если разобраться, может быть, этого им и не надо делать...

По возвращении из Шатунихи я встретился с парнем, который интересовался моими «жигулями» и который, после не слишком придирчивого осмотра, вдруг отсчитал мне небольшой задаток.

Вечер немного был подпорчен визитом Эльвиры. В лице Татьяны она видела потенциальную прихожанку, а я не скры-

вал того, что мне подобная перспектива не очень нравится. Судя по всему, Эльвира и на работе пыталась ненавязчиво прополоскать Тане мозг, но ей того было мало, потому она и притащилась к нам. На этот раз я не стал ретироваться, наоборот – уселся во главе стола, выдул три стакана чаю и сожрал не меньше половины выставленных Эльвирой пирожных. При этом я, не позволяя женщинам взять контроль над беседой, стрекотал сорокой радостной на тему продажи машины, договора аренды, перспективной работы и (вот тут сам черт дернул меня за язык) моих хороших отношений с иностранными арендаторами.

Дело закончилось тем, что Эльвира отправилась восвояси, будучи уже совсем в негативе от общения со мной, Таня заявила, что я излишне самоуверен и нагл. Это не помешало мне закончить вечер на мажорной ноте, напротив – свою самоуверенность и наглость я с удовольствием в очередной раз доказал Татьяне. Уже будучи в постели.

* * *

Рядом с крашенными в темно-зеленый цвет стальными воротами (которыми покойный Танин родственник очень гордился) человек явно таджикской наружности приделывал большую металлическую вывеску:

РУССКАЯ МИССИЯ

Всемирной Евангельской Церкви Нового Завета (сибирская епархия)

За действиями таджикского человека очень внимательно и очень неодобрительно наблюдала стоящая на улице Лидия Степановна. Одета, как и позавчера, в дачную униформу, она глядела то на табличку, то по сторонам, высматривая потенциальную собеседницу. Я сидел в машине, стоящей поодаль и надеялся, что именно сейчас Лидия Степановна не обратит на мое авто внимания и не станет ко мне приставать, требуя объяснений – мне очень не хотелось общаться с соседкой. Но сколько еще придется тут торчать? Миссионеры ждут меня для решения некоторых текущих вопросов, через пару часов мне нужно будет ехать на просмотр грузовика... Да и вообще.

Ожидания Лидии Степановны были очень скоро вознаграждены. Вдоль забора передвигалась незнакомая мне бабушка в белом платке, сером плаще и защитного цвета рюкзаком на спине – наверное, приехала на автобусе поковыряться в земле. Уж не знаю, знакомы ли были пожилые женщины между собой, но обсуждать новшества они принялись очень активно. Ухо отдам на отсечение, что новшества эти им совсем не нравились. Наверняка слова на вывеске казались им идеологически невыдержанными, а внешность чернявого таджика – ужасно подозрительной. Но не это главное. Главное – то, что хозяин дачи (в данном случае – я) вышел

за рамки приличий и, вместо того, чтобы по выходным заниматься квадратно-гнездовыми посадками, затеял извлечение нетрудовых доходов. А такие вещи, сами понимаете, не прощаются в силу определенных традиций.

Бабушка, видимо, слегка притомилась – судя по ее жестам, она принялась доходчиво намекать, что ей надо тащить свой рюкзак дальше. Лидия Степановна вняла (ну и ладно, пар-то выпустила). Собеседницы попрощались и разошлись. Таджик закончил свою работу и, оценивающе поглядев на дело рук своих, скрылся на участке, пройдя через дверь рядом с воротами. Дверь, кстати, была уже «облагорожена» – заново покрашена и снабжена массивной вращающейся ручкой.

Я набрал номер Бэрримора, и вскоре обе воротины (без обычного скрипа, надо отметить!) открылись, впуская мою машину на территорию.

Н-да, американцы взялись за дело с размахом! На участке кипела работа. Три человека той же таджикской наружности приводили в порядок фасад и крыльцо здания, две их соплеменницы буквально ползали по территории. Не знаю уж, что они там делали – я ведь вроде выкосил всю растительность, включая, наверное, и столбики для поддержки кустов. Но факт остается фактом – не прошло и двух дней, а дом и участок, ранее выглядевшие как обычная постсоветская дача, стали постепенно приближаться к декорациям голливудского фильма. Можно было долго еще поражаться этому об-

стоятельству, но лучше порадоваться; если даже через какое-то время миссионеры съедут, наверняка моя недвижимость будет выглядеть гораздо лучше, чем если бы я почему-то вдруг решил ее не сдавать.

Мы с Бэрримором тепло поздоровались, и «брат Ричард» провел меня внутрь дома, где большая комната первого этажа – «каминная» – готовилась под молитвенное помещение. Миссионеры теперь были без пиджаков, и свои странные грубые рубахи они сейчас носили навыпуск – в голове у меня пронеслось старинное слово «власяница». В такую же власяницу навыпуск была облачена и сестра Кэсси; мешковатая одежда надежно скрывала все возможные особенности фигуры мисс Роузволл. В отличие от брата Дэвида, который тоже радушно меня приветствовал, женщине я почему-то совсем не нравился. Смотрела она на меня примерно также, как Эльвира, то есть, излишне сурово и даже чуть презрительно, что меня, сами понимаете, задевало и слегка корбило. Про себя я подумал, что надо будет дома внимательно рассмотреть свою физиономию, с тем, чтобы разобраться – чего же в ней появилось такого, что стало вызывать подобную реакцию у женщин. Ну не было ведь подобного раньше! Не мог же я постареть или обрюзгнуть за несколько дней вынужденного безделья и валяния дома на диване!

Станным мне казалось еще и то, что в интерьере дома не появилось ни распятий, ни каких-либо образков христианского толка. Впрочем, Библия с крестом на обложке лежала

на столе, прямо посередине, всем своим видом показывая, что здесь все же вьет гнездо организация, исповедующая почти что традиционную религию.

Рядом с Писанием лежали еще два предмета: белый ноутбук с закрытой крышкой и картонная коробочка размером с сигаретную пачку. Приглядевшись, я заметил на ее поверхности вытисненные карточные масти. В принципе, я никогда не исключал того, что наши православные священники после трудов праведных могут себе позволить срезаться в подкидного дурачка, но от американцев я такого не ожидал. А с другой стороны – ведь не фанатики. Их миссией формально руководит женщина (что уже небанально), да и все они не отказываются от виски (пусть даже в гомеопатических дозах), так наверняка картишки – это не такой уж и порок... Некоторые протестанты, как доводилось слышать, карты как таковые не одобряют. По идейным соображениям. Кто-то мне говорил, что крести – это собственно, и есть крест, бубны – квадратные шляпки гвоздей, а пики – та самая пика, которой ударили распятого Христа. Значения четвертой масти я не помнил, и вообще с трудом понимал ее название – масти «червей», если только оно не произошло от каких-нибудь «червонных червонцев». Странная игра слов – если американец говорит «queen of hearts», то он имеет в виду вовсе не романтическую «королеву сердец», а всего лишь даму червей. «Дама червей» – вдуматься только в это тошнотворное сочетание слов! Ясно и то, что почти мистически звучащее назва-

ние известного романа Кинга «Сердца в Атлантиде» означает всего лишь картежную игру, присутствующую почти на каждом компьютере под майкрософтом.

Бэрримор заметил, что я обратил внимание на колоду карт и ослабился:

– Господь наш Иисус не запрещал игр, если они, конечно, не развращают душу и не убивают тело...

– Не буду спорить... Вы играете в «черви»?

(Конечно же, я произнес название этой игры по-английски – «хартс»).

– Что вы! Только старый добрый покер... Вы играете в покер?

– Боюсь, что нет.

– Ничего страшного. Как-нибудь приедете к нам вечером, обязательно примем вас в игру. В покер лучше играть вчетвером, чем втроем.

Я пробормотал, что сочту за честь перекинуться с евангелистами в картишки, но не сегодня.

– О да, сегодня и мы не стали бы вас приглашать, – без обиняков заявил Бэрримор. – У нас еще достаточно дел, прежде чем наша миссия откроет врата для желающих познать истину...

– Вы где-то делаете себе пиар?

– Кому надо, про нас и так уже знают, – несколько загадочно заявил Бэрримор.

– И что вы про себя рассказываете, когда к вам приходит

новый человек? Ну, вкратце, хотя бы?

– Наша церковь имеет задачей защиту христианства, но христианства обновленного, приведенного в согласие с идеями Евангелия, а также с просветительными началами современного знания. Она отрицает все вероучительные догмы как изобретения человеческие, без нужды ограничивающие благочестие и богословскую науку, и требует, чтобы любая евангелическая конфессия была еще и обязательно евангельской, с тем, чтобы единственным предметом ее веры были дух, дело и учение Иисуса Христа, а назначением – осуществление этого учения в жизни.

Я сделал вид, что мне все ясно, затем мы еще минут пять светски потрепались, после чего я собрался на выход.

– Знаете, у меня тоже порядочно дел, – сказал я, вроде как извиняясь. – Хочу купить себе грузовик.

– The truck? – неожиданно оживился брат Дэвид. – У меня дядя водит «фрейтлайнер» через все Атлантическое побережье... Хорошее занятие, молодой человек!

– Возможно, только я не потяну большую машину... Буду покупать попроще, на полторы тонны грузоподъемностью.

Миссионеры переглянулись.

– У вас уже есть работа с постоянными перевозками?

– Нет, но я договорился насчет разовых поручений.

– Тогда, возможно, и у нас найдутся для вас отдельные поручения, – сказал Старлинг. – Вероятно, придется съездить в... Не могу выговорить...

– В-а-р-а-н-к-и, – произнес, словно отстучал по клавиатуре, брат Ричард. – Очень старая деревня.

– Да, но когда мы пойдем, где она находится, – добавил Бэрримор.

– Брат Ричард, можно вас на минуту? – это подала голос мисс Роузволл, стоящая в коридоре. В голосе звучало напряжение. Или недовольство. Я воспользовался случаем и коротко попрощался.

Выйдя из дома, я уже хотел было сразу направиться к машине, но вдруг остановился. Окно, возле которого стояла сестра Кэсси, было полуоткрыто, и до меня доносилась раздраженная английская речь. Я не мог отказать своему любопытству, подскочил к окну и притаился под ним, делая вид, будто решаю проблему с обувью.

Мисс Роузволл тараторила настолько быстро и невнятно, что я почти ничего не понял, да и знание английского у меня хоть и неплохое, но отнюдь не идеальное. Я уразумел только, что начальница миссии строго указала на несдержанность в словах, а также спросила, сколько еще придется ждать почту из Штатов, да и вообще – как ее получать в этом районе. Бэрримор сказал, что он сейчас же позвонит мне и узнает точный пост-офис этого места. Пригнувшись, я кинулся прочь от дома по направлению к машине.

Так и случилось. Не успел я завести двигатель, как запел мой сотовый, и брат Ричард поинтересовался, какой у моего дома почтовый адрес и почему рядом с этим домом не

вкопана палка с железным ящиком в форме полуцилиндра на ней. Пришлось объяснить, что из-за диковатых местных нравов в здешних местах индивидуальные почтовые ящики не приживаются, а если надо получить почту, то будьте добры приехать в ближайший «пост-офис», чтобы забрать корреспонденцию там. Услышав грустное «Джизэс Крайст», я солгал, что сам давно почту здесь не получал, потому прошу подождать, пока не уточню номер абонентского ящика и не найду дома от него ключ. После повторного упоминания Иисуса разговор закончился.

Излишне уточнять, что на нашей даче (да и не только на нашей!) никто отродясь не занимался получением почты, поэтому мне пришлось срочно найти на окраине ближайшее почтовое отделение (которое, судя по его виду, должно было вот-вот закрыться по причине бесперспективности существования и абсолютной нерентабельности). Здесь я без малейших проблем оформил на свое имя абонентский ящик и купил свежий номер местной газеты с объявлениями.

Дальше всё шло не менее гладко. Мои «жигули» перешли к вчерашнему покупателю, и я получил небольшой задаток. Буквально через полчаса я уже ударял по рукам с хозяином полноприводного микроавтобуса «тойота хайс» с бензиновым двигателем и дополнительно укрепленной крышей. Японский автомобиль оказался почти в полном порядке, и теперь уже я отсчитал несколько купюр задатка.

Через два-три дня пошла довольно стабильная и размеренная жизнь, насколько она может быть такой у водителя-фрилансера. Я отработывал заказы, иногда заглядывал на свою дачу сразиться в покер с миссионерами, и даже один раз (по настоянию Тани) сходил с ней на сборище местной «церкви». Как я и предполагал, первоначальное увлечение моей гражданской жены уже начало немного уменьшаться, но Эльвира не теряла к ней интерес и продолжала свои иезуитские обхаживания. Что касается Павла, то он, вместо того, чтобы дискутировать со мной, вдруг принялся нудно вытягивать из меня подробности моих отношений с иностранцами, пытаясь разобраться, кто они такие, да чем занимаются.

Первое нарушение стабильности произошло где-то спустя неделю. В ближайшую субботу я быстро отработал утренний заказ и поехал на дачу, чтобы постичь новые тонкости блефа. Уже с подъездной дороги мне показалось, что происходит нечто неладное. Возле моих ворот стояла толпа числом человек в двадцать. Я притормозил и с минимально возможной скоростью пополз в сторону собравшихся.

Это был пикет. В меру шумный, но при этом не без легкой агрессивности. Руководили собравшимися два молодых человека. Один из них раздавал листовки, другой возвещал об опасности сект вообще и этой «так называемой церкви Нового Завета, чью деятельность финансирует госдеп США

и контролирует ЦРУ» в частности. Походило на то, что молодые люди – прихожане православной церкви а, возможно даже и ее сотрудники, если так можно выразиться.

Честно скажу – я ничего не имею против веры, религии и свободы совести. Разумеется, когда это не касается моего кармана и благополучия как таковых. Ситуация, которая разворачивалась сейчас, мне показалась тревожной – как бы наши верующие не перепугали, чего доброго, моих миссионеров. Убедившись, что знакомых поблизости вроде бы нет, я рискнул выйти из машины и влезть в толпу.

– Вы только послушайте, чем вас прельщают эти так называемые «евангелисты», – восклицал молодой человек с бородкой, забравшийся на перевернутый мусорный бачок. – Они осуществляют строгий отбор, но при этом прикрываются странным принципом «open communion». Якобы любой человек – уже христианин, неважно даже, прошел ли он обряд крещения или нет. Они отвергают иконы и нательные кресты! Они отвергают основные таинства христианства, говоря, что они в современном обществе выглядят так же нелепо, как табу примитивных племен.

Что-то уж очень знакомое прозвучало в словах руководителя пикета. Я подобрался поближе к вещающему и увидел, что в руке он держит не менее знакомую брошюрку в тисненой зеленоватой обложке. Нет, я все понимаю, но зачем же так!

– Можно мне вашу листовку? – обратился я ко второму

юноше, совсем еще птенцу, наверное, допризывного возраста. Тот с готовностью передал мне отпечатанную на лазерном принтере прокламацию, и тут я убедился снова, что ребята что-то путают, намеренно либо по неопытности. В листовке указывался вред не евангельской церкви, а евангелической – той, что тусуется в ДК имени Островского, не знаю уж, которого из них – Александра или Николая.

– Вы не ошибаетесь? – удержал я юношу за рукав.

– В чем именно? – юноша гордо вздернул подбородок – въезжающий в Париж д’Артаньян, и тот не мог бы выглядеть более надменным.

– Контора-то не так называется, – сказал я. И изложил свои соображения по поводу названий, а также книжки, которой размахивал его товарищ. Юноша слегка озадачился, внимательно уставился в вывеску на заборе, потом еще раз заглянул в свою листовку, а затем подошел к коллеге, который как раз в этот момент взял паузу, и стянул его на землю. Судя по всему, старший не стал вникать в суть дела и признавать какие-то ошибки: по его жестам и выражению лица можно было уверенно сказать, что ему все равно, так как какая разница, с какими именно сектантами бороться! Все они – вред и духовная отравка...

Юноша пытался сказать еще что-то, но тут в толпу врезались двое тощих и вертлявых с диктофоном и фотоаппаратом – видимо, корреспонденты. Может быть, газетчики, но вернее всего – с какого-нибудь новостного портала. Моло-

дые люди с готовностью и очень эмоционально принялись рассказывать о целях мероприятия, я понял, что мне делать тут особо нечего и начал выбираться из толпы. Как вдруг тут раздался торжествующий женский крик:

– Так вот и хозяин этого участка! Сдал свою дачу этим брандахлыстам, как будто так и надо...

Черт подери! Только Лидии Степановны мне тут не хватало! Впрочем, она сумела привлечь лишь очень немного внимания – только два-три человека обернулись на ее зов и без особого интереса поглядели на меня. Ну и что они увидели? Заурядный тип в джинсах и полосатой тенниске, на олигарха не похож, никаких богомерзких причиндалов вроде хвоста и копыт в наличии не имеет. Ну, сдал и сдал – мало ли кто кому чего сдает...

Я приблизился к соседке и очень корректным тоном изрек:

– Помните, я собирался сам сюда с друзьями ездить? Так вот, если эти «брандахлысты» отсюда вдруг съедут, то – я говорю серьезно – сюда будут ездить мои друзья... а они люди сильно пьющие, и когда надерутся, потом до утра либо слушают громкую музыку, либо орут блатные песни под гитару.

Лидия Степановна, кажется, поняла расстановку акцентов, поджала губы и не стала более обострять ситуацию.

Молодые люди вроде бы изложили все, что хотели, корреспонденты прыгнули в издавший виды «ниссан» и умчались. Толпа начала редеть: кто-то пошел вглубь поселка, кто-

то двинулся к остановке автобуса. На автобус пошли и организаторы пикета – кажется, ребята на самом деле действовали по убеждениям. Я вернулся в кабину «хайса» и набрал номер Бэрримора. Телефон американца был выключен, номеров его коллег я не знал, а бибикать под воротами мне не хотелось. Мало ли, какие вопросы сейчас обсуждаются за моим забором. Поэтому я отправился домой, резонно предполагая, что события будут обязательно иметь продолжение.

И ведь так оно и случилось!

На нашем основном сайте городских новостей и сплетен уже наутро (по словам Тани) выложили материал с заголовком «Заокеанская секта угнездилась в дачном поселке». Я имел удовольствие прочитать его вечером, когда уже поставил машину на стоянку у дома и поднялся отужинать.

«Наш сайт уже сообщал о печально известных, но динамично развивающихся и процветающих «евангелических церквях Иисуса Христа», сторонников которых называют евангелистами. Эти церкви, которые в 20 веке сложились в своего рода религиозную «федерацию» сект, поставили себе целью ни много ни мало – обратить в веру с приставкой «нео» сначала Соединенные Штаты, а затем и весь мир.

Именно в США родилась евангелическая доктрина, которая распространяется по всему миру стремительнее и шире, чем другие религиозные доктрины – будь то католическая, протестантская и даже исламская. Вот только несколько цифр, приведенных французскими исследователями: ес-

ли в 1940 году из 560 миллионов христиан евангелистами были только 4 миллиона, то сегодня из 2 миллиардов христиан евангелистами являются 500 миллионов, иными словами, каждый четвертый христианин является евангелистом, причем хотя бы косвенно по американскому образцу! По некоторым данным, ежедневно в евангелическую веру обращаются 52 тысячи человек.

Сами американские богословы прогнозируют, что в 2050 году евангелистом будет каждый второй христианин. Не будет лишним отметить, что себя они называют «заново родившимися христианами», но своим вторым рождением они обязаны не традиционному крещению, а якобы «прямому» контакту, встрече с Иисусом по схеме «от одного человека к другому, от другого человека к Богу». Именно эта пирамидальная схема заложена в основе подавляющего большинства не только сект, но и коммерческих культов, которые родились также за океаном.

Вспомним слова, произнесенные Джорджем Бушем после трагического для США дня 11 сентября: «Америка должна вести за собой весь мир!». Бывший президент коротко изложил основное кредо национал-американского катехизиса – об «особом предназначении» Америки. Еще в конце 1898 года сенатор штата Индиана Альберт Беверидж сказал: «Господь назначил американцев главными организаторами мира, с тем, чтобы там, где царит хаос, был установлен порядок».

Не стоит думать, что «новый порядок» по-американски

планируется и насаждается где-то далеко от нас. Достаточно отъехать от города на какие-то 30 километров в северо-западном направлении, и мы увидим в дачном поселке Шатуниха небольшой и вполне симпатичный домик за высоким забором, сложенным из кирпича и утыканным стальными пиками. Именно там находится штаб-квартира миссии «всемирной евангелической церкви нового завета». В руки нашего обозревателя попала брошюрка, распространяемая проповедниками на проводимых сектой собраниях в ДК имени Островского. Как обычно, она состоит из бессистемно надерганных библейских цитат и фраз, восхваляющих апологию новоиспеченной «церкви», которая, как нам сообщил глава межведомственного комитета по делам сектантства Владимир Водопьянов, как раз именно сектой и является.

«О деструктивности и тем более, тоталитарности данной религиозной организации говорить преждевременно, но наш долг – предостеречь всех наших сограждан, в первую очередь молодых, от необдуманных поступков» – добавил В. Водопьянов».

Я словно бы слышал истошные вопли возмущения Эльвиры и Павла Столяровых со товарищи, доносящиеся со стороны упомянутого ДК. Ну что ж, Прытко Пишущие Перья опять начудили, и неизвестно еще, к чему это все приведет... Надо полагать, что про «церковь», где обитают Столяровы, давно уже известно кому надо, и раз им разрешают прово-

дить свои встречи-собрания не в самом затрапезном клубе города, значит, не такие уж они зловредные. Кому-то очень не понравится, что две этих почти одноименных секты свалили в одну кучу и обругали чохом.

Но когда я дошел до конца этой статьи, то понял, что и мне это все очень не нравится. Автор материала, некий С. Чаповалов, сообщал, что американские миссионеры поселились в дачном поселке «с легкой руки домовладельца – некоего Андрея Маслаева, нигде не работающего и принимающего активное участие в деятельности «всемирной евангелической церкви нового завета»». И неплохо бы, по мнению того же автора, разобраться в том, какие цели преследует этот Маслаев, «бывший сотрудник ряда фирм, которыми владели нечистоплотные зарубежные предприниматели, впоследствии либо арестованные, либо высланные за пределы Российской Федерации».

Этот мерзавец неплохо знал мой послужной список! Но при этом вывернул ситуацию таким образом, что я из рядового наемного сотрудника стал чуть ли не директором криминального предприятия, ведущего антироссийскую деятельность по указке из США, которые – не надо забывать! – имеют в нашем обществе не самую лучшую репутацию.

– Ладно тебе психовать! – крикнула Таня, когда я вслух выразил свое отношение к тексту и к его автору. – Напиши лучше злобный комментарий. Может быть, даже от своего имени.

– Это будет выглядеть как оправдание! – я продолжал бушевать. – Я не собираюсь ни перед кем оправдываться и тем более за поступки, которых не совершал!

Телефонный звонок на Танин мобильник прервал наш диалог. Я продолжал рычать, когда Таня с постным лицом протянула мне трубку.

– Андрей, может быть, ты сумеешь объяснить, что происходит? – это спрашивал Павел. Только его сейчас мне не хватало!

– Я бы с удовольствием, – процедил я. – Только если ты про ту новость, которую сейчас уже человек триста прокомментировало, то мне, сам понимаешь, досталось вообще ни за что!

– Ну как так «ни за что»? – с долей яда в голосе спросил Павел. – Хочешь сказать, что это все не так? Ведь ты же действительно пустил каких-то придурков к себе на дачу!

– И что? Это мое дело – кого хочу, того и селю на своих площадях! И ни перед кем не собираюсь отчитываться. Да и вообще, какие у тебя ко мне могут быть претензии? Я, вроде, не участник ваших собраний – это ахинею написали журналисты. Я им ничего не рассказывал и не собирался, а откуда взялась вторая ахинея про то, что это якобы вы имеете какое-то отношение к моей даче – вообще без понятия. Есть еще ахинея номер три – это уже лично про мои прежние рабочие места, я теперь не знаю, как от нее отмываться буду, и меня это беспокоит больше, чем все остальное, которое

написал этот, как его... Чепушилов, чтоб ему на том свете кирпичи жрать и кирпичами же...

Столяров, кажется, начал сбавлять обороты. Ведь был он человеком неглупым и надо думать, понимал, где собака порылась. То есть, наш разговор закончился куда более конструктивно, нежели начался. Павел пообещал лично встретиться и поговорить с Чаповаловым. Вспомнив внешние данные сектанта, я подумал, что журналисту в случае чего может стать туго.

Может быть, не все отождествили меня и некоего «Маслаева» из статьи, но

до ночи мне позвонили только два не очень близких приятеля, будучи в праздном интересе относительно моей религиозно-коммерческой деятельности. Я ожидал, что мне позвонит Бэрримор, но этого не случилось. То ли он не счел нужным уделить особое внимание вчерашним событиям, то ли еще по какой причине, но никакого шума не поднялось.

В наступившее воскресенье мне было не до церковников. Они, кстати (и те, и другие) должны были проводить какие-то особые воскресные мероприятия, поэтому я насчет покера даже не спрашивал. Бэрримор позвонил мне только в понедельник днем, когда заканчивал важный заказ. Американец убедительно просил меня подъехать и выполнить одно небольшое поручение. Голос миссионера был очень встревоженным, словно бы его что-то сильно беспокоило.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Тревога Бэрримора стала мне хорошо понятна, когда я свернул с шоссе и подъехал к даче. Сегодня, как и в субботу, здесь устроили пикет. Только сейчас все было более жестко и куда менее приятно. Если в субботу рулить процессом пришли два юноши с горящими взорами и сумели собрать два десятка праздных зевак и дачников-пенсионеров, то сейчас здесь собрались хмурые крепкие мужчины, разминающие мышцы и хрустящие костяшками пальцев, не очень похожие на прихожан евангелической церкви. Мужчин этих было поболее тогдашних ораторов – человек семь или восемь. Их обществу были рады активисты «конкурирующей фирмы» из ДК Островского, числом, наверное, почти в тридцать затылков. Девушек среди них я насчитал немного – в основном тут кучковались крепкие ребята наподобие Павла. Он тоже был здесь. Впрочем, я заметил и Эльвиру. За сборищем наблюдали служители порядка, припарковавшиеся в микроавтобусе в относительном отдалении от дачного забора.

Один из «наших» сектантов, вооруженный мегафоном, громко и уверенно обличал «самозванцев», «волков в овечьих шкурах» и «перерожденцев», которыми он полагал сектантов «залетных». Как мне стало понятно, едва ли не более

всего «наши» были возмущены именно чрезвычайно похожим названием, которым именовали себя американцы.

Хрип и вой мегафона разносился над поселком, отражался от фасадов дачных домиков и от стволов многочисленных деревьев. Многократное эхо, лишь чуть уступающее городскому, звонко реверберировало и этим подчеркивало торжественность ситуации.

Дачники из числа тех, которым не нужно было бежать в этот понедельник на работу, кучковались поодаль, сторонясь как пикетчиков, так и стражей порядка. Этим целеустремленных личностей они боялись – наши молодые защитники православной веры были, разумеется, намного ближе им и понятнее. Лидия Степановна тоже была среди этой малочисленной группы, озадаченная и грустная. Я подошел к ней:

– Скажите честно, Лидия Степановна, кому вы звонили на прошлой неделе?

Она шальными глазами зыркнула в мою сторону.

– В антисектантский комитет, наверное? Кто же подсказал-то? – я продолжал вопрошать.

– Это Георгий Чингизович звонил, – услышался надтреснутый голос, принадлежащий тощему деду в тельняшке и бейсболке с надписью «Thai trannies». – Хозяин магазина, во-он того.

Я даже почесал лоб. Какого черта, интересно, этому Семужному понадобилось заниматься подобной ерундой? Человек он деловой, раз лавочку держит, какое ему дело до

каких-то межконфессиональных дразг? Или он побоялся, что воинствующие христиане, как ярые противники курения и пьянства, примутся лишать его потенциальных покупателей?

Вздорная теория, но больше, чем ничего. Пикет между тем продолжался, и конца-краю ему не было видно. Миссионеры, видимо, сочли за лучшее благоразумно отсидеться в доме, несмотря на отдельные призывы «выйти и показать-ся». Я бы на их месте тоже пятьдесят раз подумал, прежде чем согласиться с предложением. Хотя нет, я бы точно отказался.

– Ну вот, теперь из-за этого лавочника никому тут жизни не будет, – проворчал я и побрел к машине. Делать мне тут было нечего, а если кто вдруг во всеуслышание скажет, что я – хозяин дома, так ведь и побить могут – под горячую руку нет резона попадаться!

Не успел я забраться в машину, как запел мобильник. Звонил как раз Бэрримор.

– Энди (так он меня поваялся называть), будь добр, узнай, пожалуйста, нет ли для нас корреспонденции. Мы ждем срочное сообщение, а пост-офис у вас почему-то не работал даже в субботу. Пытаюсь до них дозвониться, а они как-то уж очень невежливо отвечают, что не будут проверять ящик. Удивительно!

Я не стал уточнять насчет того, какого рода должно быть сообщение, чтобы о нем известили по запросу получателя;

более того, я был уверен, что и у них в Штатах почта вообще не обязана искать простое письмо, пришедшее на номер «бокса». Но в Штатах могли и не знать тонкостей между нашими разновидностями писем – простой и заказной. А вот отправитель мог бы, конечно, послать курьерской службой, странно, что он этого не сделал. Видимо, в Штатах плохо себе представляют, насколько ужасно порой работает наша традиционная почта.

Хотя именно в этот раз к работе почты претензии предъявить было трудно.

– Хорошо, Ричард. Я уточню.

– И обязательно сразу же мне позвоните, договорились?

– О'кей.

Я сунул трубку в карман. Забавный все-таки русский язык у Бэрримора. Он никак не может понять, что если уж мы с ним перешли на русское «ты», то нет смысла возвращаться к официальному обращению. Он считает иначе: пока мы с ним просто беседуем или хотя бы что-то обсуждаем, он говорит мне «ты», а стоит нашему разговору принять чуть деловой оттенок, то все – в ход уже идет «вы».

Едва я выбрался на шоссе, как сразу же обратил внимание на нескольких водителей, которые сигналили мне, корчили гримасы и делали жесты, показывая, что со мной (вернее с машиной) что-то неладное. Я включил аварийный сигнал, притормозил и выглянул.

Ну что ж, могло быть и лучше. У автомобиля неожидан-

но прохудилась система охлаждения двигателя, и дорогуший антифриз потек на асфальт. Я помянул добрым словом того типа, который продал мне микроавтобус и принялся устранять проблему, насколько это было возможно в моем положении. Все равно дело кончилось тем, что я буквально по нескольку метров проползал вперед, потом по полчаса стоял, ждал, когда остынет мотор, чтобы, не перегреть его и не угробить окончательно. Потом мне это надоело, и я вышел на шоссе с тросом и жалобной физиономией. Так что до ближайшей мастерской я доковылял только часам к четырем дня. Там выяснилось, что неисправность в принципе не такая уж глобальная, и что лечится она быстро – час с небольшим и плюс залить новую охлаждающую жидкость. Я понял, что как минимум сегодняшнее утро и вечер пятницы проработал не на свой карман, ну а куда деваться? Впрочем, могло быть и хуже.

На почту я попал уже почти к самому закрытию конторы, то есть, без пятнадцати семь вечера. Единственная сидящая за стойкой неприступная девушка, естественно, мне тоже не стала ничего сообщать, но я так или иначе сумел растопить лед, а затем, после предъявления документа, доказывающего принадлежность абонентского ящика именно мне, я был удостоен приза в виде конверта размером чуть меньше нашего формата А4, с кучей наклеенных штатовских марок в верхнем углу. Конверт был набит какими-то бумагами или брошюрками.

– Ишь ты, чего же это вам там могли прислать? – Любопытство молоденькой почтмейстерши было совершенно естественным и непосредственным. Она даже кончик розового язычка высунула.

Я с заговорщицким видом огляделся по сторонам и громким шепотом произнес:

– Инструкции...

– Какие? – так же тихо спросила девушка.

– Скажу вам по секрету... Я – американский шпион, и моя задача – разузнать все секреты почтовой службы... Хотите, я вас завербую прямо сейчас?

Минуты две мы очень мило толковали (узнай об этом Татьяна, было бы мне на орехи), да так, что еще немного – и почтмейстершу я бы точно завербовал прямо на ее рабочем месте за стойкой, но тут открылась дверь и в контору ввалились еще трое запоздавших клиентов. Девушка демонстративно посмотрела на часы (кажется, было без уже без пяти семь), а я все же решил свалить от греха подальше. Черт, а ведь еще каких-то три-четыре года назад наверняка бы дождался, когда она с работы пойдет, и уж телефончик-то точно бы выпросил...

Взгромоздившись в кабину грузовика, я внимательно разглядел конверт. Плотный розоватый картон, по краям разноцветные полоски, американские марки (предел мечтаний для юных филателистов в годы советской власти!) Получатель – мистер Ар-Эйч Бэрримор, отправитель... Некое об-

щество «Solgulian Science Society» из Нью-Йорка, наверняка какую-то миссионерскую литературу прислали... Я сунул письмо в темный полиэтиленовый пакет, бросил его на сиденье и повернул ключ зажигания.

Бэрримор не звонил с того самого момента, когда дал мне это небольшое поручение, и я решил, что пора самому набрать номер. Его телефон почему-то в этот час был выключен, я немного поудивлялся, но на дачу не поехал. К тому же позвонила Таня, заявившая, что стоговила ужин, да не простой, а с голубцами по ее фирменному рецепту. Я очень кстати вспомнил, что в холодильнике ждет своей неминуемой участи бутылка водки, и поэтому, сами понимаете, куда бы, кроме домашнего очага я мог бы еще направиться? Альтернатива, что называется, отсутствовала.

Видимо, я решил правильно. Но кто-то или что-то в этом мире вдруг решило, что у меня дела пошли излишне гладко. Мы с Таней собрались трапезничать с толком и расстановкой, не спеша и вкусно. Поначалу все шло гладко. Мы выпили (я даже два раза) и уничтожили по доброму голубцу за степенной беседой двух умных людей. По давней и доброй традиции при поглощении подобного ужина у нас было наложено табу на обсуждение бытовых и финансовых проблем, следовательно, время текло приятно, как холодная водочка в глотку под отличную закуску.

Не успел я поставить третью стопку на стол, как затрезвонил мобильник. Секунды две я напряженно думал, как по-

ступить – брать трубку, или соврать потом абоненту, что телефон якобы валялся далеко от меня, и я не успел его взять? Второй вариант годился сейчас для кого угодно, кроме клиентов – я же должен думать о зарплате! И кроме арендаторов... Да. Звонил как раз брат Ричард, и мне трудно было игнорировать его вызов. Но, как показало будущее, именно этим вечером следовало бы так поступить.

Бэрримору был срочно нужен я. Вернее, не я, а информация о том, что мне удалось узнать на почте.

– Да, пришел тебе конверт, – сказал я. От какого-то научного общества, если я правильно понял. Отправлено из Нью-Йорка.

– Это то, что нужно! – воскликнул Ричард. – Спасибо, Энди! Завтра, наверное, эти шумные и невоспитанные люди не будут стоять у наших ворот целый день, и я смогу съездить на почту...

– А сегодня что – они долго были?

– Представь себе, Энди, только недавно ушли. Господи Иисусе, какой вздор они несли! Как будто мы присвоили не только название их организации, но и все их заслуги. Более того, нас прямо обвинили в святотатстве!

– Вы-то ни при чем, – просто сказал я. – Это, знаете, наши журналисты нагородили какой-то чепухи, и на вас теперь многие наши конфессии смотрят как неизвестно на кого. Можете, кстати, подать в суд на автора – фамилия Чаповалов...

– Они не знают, что делают, – также просто сказал Бэрримор, очевидно, цитируя Евангелие и имея в виду фразу «не ведают, что творят», или похожую на нее. – Ну, хорошо, еще раз спасибо, храни тебя Иисус...

– Подожди, Ричард! Не надо ходить на почту, я завтра буду проезжать мимо и завезу письмо, оно у меня.

В трубке повисло странное молчание.

– Энди, повторите, пожалуйста, что вы сейчас сказали!

– Я сказал, что письмо у меня, и я завтра сам могу привезти его вам!

– Но зачем вы его забрали себе?! – с непонятым негодованием рявкнул Бэрримор.

Подумав, что у моего американского почти приятеля начался легкий приступ паранойи, я терпеливо разъяснил:

– Мне его просто выдали на руки! Получателю было бы глупо интересоваться, пришла ли почта, а потом отказаться ее брать. Сами-то подумайте, каким бы идиотом я выглядел, если бы просто спросил, есть ли почта, а когда мне сказали, что есть, то развернулся бы и ушел, не взяв ее.

– Наверное, вы совершенно правы, Энди... Послушайте, привезите мне это письмо прямо сейчас! Мне это крайне необходимо! Раз уж так получилось, что оно оказалось у вас, пусть оно окажется и у меня сегодня. Разумеется, я вам оплачу ваши расходы.

Ну что ж, с этого и надо было начинать. С оплаты расходов.

– Нет проблем, Ричард. Сейчас я приеду.

– Я буду очень вам признателен и благодарен. Слава Иисусу!

Довольно обидно было прерывать хороший ужин, но мне очень хотелось продолжать поддерживать хорошие отношения с арендаторами. А за компенсацию расходов можно было и прогнуться. Татьяна, внимательно слушавшая наш разговор, только вздохнула:

– Нашел себе занятие.

– Я всегда говорил, что у меня активная жизненная позиция, – я улыбнулся Тане, засовывая ноги в обувь. – Думаю, что я скоро вернусь.

– Позвони с дороги, я погрею тебе остатки.

– Это уж обязательно, – согласился я.

Моя «тойота» стояла на огороженном участке пустыря, там, где жильцы нашего дома и соседнего с ним устроили стихийную парковку. Про то, как мы отвоевывали территорию у бабушек (которым пустырь был вовсе не нужен, но они его называли «газоном» и «детской площадкой»), про ночные дежурства (когда прослышали, что собаководы договорились прокалывать шины всем авто, стоящим на местах, якобы исконно предназначенных для выгула ихних псов), да и вообще про нравы современных городских жителей можно было снимать психологический триллер. Со сценами почти расовой неприязни со стороны владельцев легковушек к владельцам коммерческого транспорта (ибо сам через это

проходил, еще недавно пытаюсь воткнуть своего «жигуленка» между «газелью» и «кантером»).

С сожалением посмотрев на машину, я направился к остановке маршрутных такси – вечером после трех рюмок водки рвануть за рулем до Шатунихи мог только сумасшедший... Там, на выезде-въезде проверки на дорогах шли постоянно.

Размышляя о вкусных и полезных вещах, я добрался до Шатунихи не слишком скоро, да и темнота уже сгустилась. От остановки до дачи идти всего минут пять. Можно было уже набирать номер Бэрримора, но особого смысла в этом я не видел: можно же позвонить, нажав кнопку у калитки...

Калитка и ворота дачного участка были погружены в полумрак, только еле заметно мерцала металлическая вывеска. Участок освещала мощная лампа, приделанная над крыльцом, но наружная часть знакомого забора так и оставалась неосвещенной. Под ногами хрустели пластиковые стаканчики и всякие вилочки – наверное, пикетчики насвинили, даром что евангелисты.

Хруст был уж очень сильным и резким, едва ли только я один мог такой издавать, даже если бы плясал возле уличной забегаловки. Я резко обернулся, и только давнишний опыт позволил избежать чьего-то кулака, летящего мне то ли в ухо, то ли в скулу.

Я сделал нырок в сторону, уходя от прямого столкновения, а потом вскочил и попытался в свою очередь ударить нападающего. В общем, мне это удалось. Я даже чуть было

его не свалил, подставив подножку. Темный мужской силуэт отскочил на три-четыре шага и с рычанием вновь бросился на меня.

Но теперь он уже не мог застать меня врасплох. Да и боец он был так себе. Нет, конечно, молотил воздух он не хуже «Черной акулы», и злости у него было хоть отбавляй, но вот справиться со мной ему никак не удавалось, несмотря даже на то, что я давно не поддерживал форму. Я опять увернулся от его броска, в котором нападавший попытался выхватить у меня пакет. То ли на дозу ему было нужно, то ли просто кулаки зачесались... Ну неужели нельзя понять, что надо пойти и поискать более спокойную жертву?! Я запихнул пакет под куртку, чтобы освободить обе руки. Раз! Хорошенько наподдав правой в скулу и добавив левой в нижнюю челюсть, а затем с разбега пнув в бедро, я наконец свалил этого недоноска, а сам подскочил к калитке и попытался нажать кнопку, которую недавно приделывал трудолюбивый таджик.

Кнопки не было. Вместо нее палец уперся в обрывок провода. Наверное, пикетчики, увидев, что на них никто не обращает особого внимания, со злости вывели звонок из строя. А калитка была заперта изнутри – в этом я убедился, тщетно крутя круглую ручку. Я успел пару раз долбануть ногой в железную дверь, а затем снова пришлось отбиваться от атакующего гоблина. Я пропустил два полновесных удара по физиономии и понял, что гоблин-то, оказывается, не так уж плох в уличной драке. Ладно, мы ж тоже не пальцем деланы! Мне

удалось вклеить прямым в центр хари – скорее всего, я расквасил нападавшему нос. Следом можно было сделать хук слева, чтобы ошеломить ненадолго, а затем свалить на землю и обработать окончательно, как и полагается поступать со всякой сволочью, которая налетает на вас в темных переулках с целью завладеть вашим имуществом.

Но я чуть промедлил, и гоблин сумел отскочить. Втянув с хлопаньем сопли, он выхватил из кармана что-то неприятно щелкнувшее. Э нет! Так мы не договаривались!

Хорошо, что кладка забора мне хорошо знакома. Хватило двух секунд, чтобы я забрался на него, точнее – взлетел, точно ставя ноги на едва заметные кирпичные выступы. Верх забора был утыкан стальными пиками, и я пожелал, чтобы гоблин напоролся на них яйцами, если у него хватит дури, чтобы последовать за мной.

Дури у него хватило. Но и ловкости – тоже. Издавая утробные звуки джунглей, гоблин взобрался на забор (теперь его хорошо было видно в свете ламп, освещающих фасад и участок), спрыгнул вниз и рванул прямо к дому, словно пытаясь отрезать мне путь к крыльцу. Надо было мне сразу бежать туда, но я промедлил, и теперь продолжение схватки становилось неизбежным. Только теперь гоблин был вооружен ножом (это я хорошо видел), но и мне повезло поднять брошенную на землю штыковую лопату (интересно, какого черта она тут валяется – огород, что ли они взялись копать?) Лопата меня выручила. Во-первых, ближний бой уркаган с

ножом уже не мог мне навязать. Во-вторых, со своим умением драться колющими я получил приличное преимущество, которое вознамерился было уже доказать.

Ну точно гоблин! Свет лампы выхватил угловатую рожу с тонкогубым, кривящимся от злобы ртом и коротко стриженую башку с торчащими острыми ушами. Шея длинная, лапы как коряги. Только одет в спортивный костюм – единственное отличие от мифологического персонажа. Гоблин бешено зыркнул по сторонам белыми от злобы глазами, вдруг сорвался куда-то к стенке сарая, и мигом вернулся с вилами, которыми можно не только грузить сено, но и перекапывать огород. А наипаче – протыкать брюхо противникам.

Мы скрестили оружие. Раз, другой. Тишину дачного участка раскололи грохот и звон металла. На этот звук из дома выбежали арендаторы – все трое. И – надо отдать им должное – сразу же оценили обстановку и громко потребовали от постороннего бросить вилы и прекратить сопротивление.

Гоблин, шмыгая разбитым носом, посмотрел на моих союзников. Если Дэвид Старлинг вряд ли мог сойти за серьезного противника, то сестра Кэсси с каминной кочергой наперевес уже должна была показаться темой для размышления. А Ричард Бэрримор с топориком мог стать вообще веской причиной для прекращения драки. Нападавший бросил вилы на землю. И тут, заметив, что я уже спокойно опустил

лопату к ноге, с ревом бросился на меня и сбил с ног. При этом он подхватил с земли пакет, выпавший у меня из-под куртки, видимо в тот момент, пока мы бились на сельскохозяйственных орудиях. Затем кинулся к забору в надежде уйти тем же путем, каким пришел.

Но длинноногий Бэрримор оказался чертовски расторопным. В три прыжка он подскочил к забору, крепко ухватил злоумышленника за ногу и рванул на себя.

«А-а-а, с-сука!» – заорал гоблин, вцепившись в стальные пики наверху. Свободной ногой он попытался лягнуть американца в лицо, но тут подбежал я и вцепился негодяю во вторую ногу. Спротивляться двум отнюдь не хлипким мужикам было весьма трудно, гоблин с диким воплем разжал пальцы и тяжелым кулем свалился вниз, заставив нас обоих потерять равновесие.

Я, конечно, был на ногах меньше чем через секунду. Бэрримор – тоже. Его коллеги и единоверцы уже бежали к нам, но вскочивший гоблин кинулся на нас, намереваясь прорваться. Куда там! Мы с братом Ричардом синхронно схватили его за плечи и с размаху придавили к стене забора. Гоблин жалобно засипел, взмахнул руками и стек по кирпичной кладке вниз.

Подбежали Старлинг и Роузволл, а гоблин даже и не думал вставать. Здорово же он долбанулся!

– Вставай, ты! – обратился к нему я.

Злоумышленник не шелохнулся. Что-то, кажется, пошло

не так.

– Turn the light on! – крикнул Бэрримор Старлингу, наклоняясь к лежащему. – Включи свет!

– Be careful! – предостерегла его Кэсси, увидев, что Ричард нагнулся излишне низко и даже встал на одно колено. Да, действительно, что-то пошло совсем не так.

Подбежал Дэвид с большим цилиндрическим фонарем в руке. Он направил луч света на лицо гоблина, и мы увидели страшную рожу с оскаленными щербатыми зубами, окровавленной верхней губой и остекленевшим взглядом, направленным в нашу сторону.

– He's dead, – прошептал Дэвид.

Вот это был, конечно, номер – шел трамвай, десятый номер... Гоблин действительно скончался. Бэрримор и я переглянулись и поняли друг друга без слов. Мы с ним только что на пару совершили убийство по неосторожности. Этот человек первым напал на меня, угрожал мне ножом и вилами, проник на частную территорию, но мы случайно помогли ему отправиться на тот свет. Когда мы его толкнули, гоблин с размаху приложился спиной и затылком к забору. Сам по себе удар оказался не таким уж сильным, но на нашу беду, примерно на уровне глаз из стены торчал отрезок тонкой стальной арматуры, не слишком длинный – пяти сантиметров даже не было, наверное. Штырь как в масло вошел гоблину в основание черепа, сразу над верхним шейным позвонком – очень даже веская причина для моментальной смерти.

– В Техасе, – пробормотал брат Ричард, – собственник имеет полный закон и право уничтожить тот, кто нарушает в его частное владение.

– Это в Техасе, – тихо сказал брат Дэвид. – В Нью-Йорке у собственника нет такого права.

– В России – тем более, – просипел я. – Мы здорово влипли.

– Влипли? – не понял Бэрримор. Я объяснил, что это значит. Старлинг наконец догадался выключить фонарик, но кошмарная физиономия мертвеца по-прежнему стояла у меня перед глазами.

– Требуется вызывать полицию? – ни к кому не обращаясь, произнес Старлинг. Мисс Роузволл издала протестующий звук. Бэрримор повернулся к ней, потом – ко мне.

– Я не думаю, что нам нужно вызывать полицию, – произнес он.

И я был с ним совершенно согласен.

– Давайте пока хоть закроем его чем-нибудь, – предложил я.

– Брат Дэвид, принеси мешок из сарая, – произнес по-английски Ричард.

Старлинг коlobком скатался к сараю и вернулся оттуда с серовато-белым полипропиленовым мешком. Он передал фонарь мне, а сам нагнулся к трупу и прикрыл ему лицо и часть туловища, вытянутого вдоль забора. Немного согнутые в коленях ноги, впрочем, как и откинутая в сторону до-

ма рука торчали очень даже заметно – мешка было мало, чтобы скрыть тело полностью. Скрюченные пальцы руки в свете фонаря отливали синевой. Я пригляделся. Татуировки. Парень-то, видно, с бурным прошлым... Мисс Роузволл выразила неудовольствие. Брат Дэвид был вынужден принести еще один мешок и обрывок брезента. Этого хватило, чтобы хоть как-то замаскировать следы преступления. Правда, если разобраться, от кого? Но в те минуты мы были ошеломлены и подавлены случившимся, поэтому, возможно, и совершали не вполне объяснимые поступки.

Бэрримор предложил пройти в дом и обсудить ситуацию. Предложение было принято. Я поднял с земли валяющийся пакет с письмом и двинулся следом за моими арендаторами. По пути брат Ричард повернул выключатель на крыльце и погасил лампу, висящую на фасаде. Участок погрузился в темноту.

Мы прошли в каминную комнату и расположились вокруг стола, за которым частенько резались в покер. Сейчас нам предстояло разыграть совсем другую игру, и я уже примерно представлял себе, что это будет за «игра». Для начала я предложил выпить. Возражений не последовало. По крайней мере, Бэрримор сразу же извлек все ту же недопитую бутылку виски, и налил всем по гомеопатической дозе. Мне, принимая во внимание обстоятельства, этого было мало, и я долил сам себе как следует. То есть, примерно на две трети.

Как и следовало ожидать, в этот момент запел мой теле-

фон. Звонила Татьяна. Как водится, она набрала мой номер как раз в тот момент, когда я подносил стакан с выпивкой ко рту. Я проглотил необходимую порцию алкоголя, перевел дыхание и взял трубку.

– Ты где там застрял? – поинтересовалась Таня.

– Где, где... Маршрутку же не дождешься... Вот, только приехал...

– У тебя все в порядке?

– Да все, что у меня может быть не в порядке? – спросил я, вытаскивая письмо из пакета.

– Ты чего там – водку пьешь?

Вот ведь нюх...

– Нет, – ответил я с чистой совестью (ибо пил виски) и уставился на конверт, который лежал у меня в пакете. Что за черт?!

– Танюха! – заорал я в трубку. – В комнате есть пакет!?

– Какой пакет?

– Ну, такой черный... Мне нужно было отвезти в Штату-нихку письмо из Штатов, а я прихватил какие-то проспекты от «Ив Роше», которыми ты занимаешься! Вот только сейчас обнаружил!

Таня ойкнула.

– Поди, посмотри, где там он лежит, – сказал я.

Американцы сидели тихо. По-моему, они уже все поняли. Поняли, что по дурацкой ошибке я привез им совсем другое письмо. Которое здесь было никому не нужно, и из-за кото-

рого по-дурацки погиб человек, пусть даже и гопник.

Таня что-то уж очень долго искала письмо. Я посмотрел на полиэтиленовый пакет. Ну да, точно такой же, с каким я ездил на почту. Самый обычный, черно-серый, с золотистыми полосками. В каждом ларьке такие по пятаку продают... А Татьяна, видно, сегодня же получила по почте корреспонденцию от «Ив Роше» и бросила ее в точно такой же пакет, какой валялся у меня в кабине. Провалиться! Понедельник, похоже удался на все сто.

– Слышишь, Андрей? – раздалось в трубке. – Я что-то найти его не могу...

Если Таня за годы совместной жизни научилась по голосу в трубке определять количество выпитого мною в гостях, то я тоже понимаю некоторые нюансы ее тона. Что-то сейчас в ее тоне было не так. Нет, не то что бы она врала, или юлила. Скорее, я ощущал некоторую подавленность. Словно бы она хотела сделать как лучше, но почему-то была не в состоянии. Как будто ей что-то мешало.

Этому было простое объяснение – засунула письмо куда-нибудь или выкинула. А что – взяла и запихнула по ошибке в мусорное ведро. За Татьяной подобное водится...

– Выбросила, что ли?

– Не знаю... Наверное, – печально протянула Таня. Мне стало ее жалко.

– Ладно. Потом поговорим, поищем. Сейчас пока все, я тут попробую решить вопрос, как мне домой приехать. Такое

ощущение, что маршрутки уже не ходят...

И это было совершенно верно – после десяти вечера из пригорода выехать просто невозможно. Впрочем, в пригород тоже. И то правда – зачем куда-то в такое время таскаться простым законопослушным гражданам?

«Простые законопослушные граждане» – один российский и три американских – тем временем решали вопрос о серьезном нарушении закона. Предложение вызвать полицию больше не обсуждалось – оно было отмечено еще до начала обсуждения. Евангелисты здраво рассудили, что гнавшийся за мной злоумышленник – без всякого сомнения преступник, а значит, он получил по заслугам. И обратиться мы в полицию, то сразу же станем такими же преступниками, если не хуже. Дело кончится тем, что меня отдадут под суд (и хорошо, если я получу только условный срок), а Бэрримора в лучшем случае выдворят из России, чего, по его словам, ну никак нельзя допустить. Иначе у него рухнет карьера, и ему останется разве что покупать дешевый грузовик и подобно мне возить всякую мелочь по зимникам Северных территорий. Я подумал, что это не такая уж страшная участь, но не стал говорить этого вслух.

Поскольку общая часть была обсуждена быстро, мы перешли к частностям. Выход из положения был предложен, но такой, что мне пришлось налить еще полстакана. Мирные евангелисты всерьез начали обсуждать возможность захоронения тела прямо на участке, но против этого категорически

воспротивился я. Бэрримор несколько цинично осведомился, не предлагаю ли я сжечь бедолагу прямо здесь в камине, но я сказал, что меня и это не устраивает. И расчленять его с тем, чтобы вывалить в туалет, я тоже не позволю. То есть, сказал я, надо вообще убрать труп с участка.

Американцы согласились, сказав, что вполне меня понимают. Но как я себе это представляю? Бэрримор опередил меня, вспомнив про стоящий в гараже белый «фокус». Дальнейшая дискуссия была на этом прекращена, и заговорщики без лишних слов начали собираться.

Я заявил, что мне просто необходимо выкурить сигарету – наверняка у нас есть минут пять. Арендаторы были не против. К тому же брат Ричард решил еще раз внимательно осмотреть труп, брат Дэвид тоже отлучился на пару минут, а Мисс Роузволл скрылась в гараже.

Гараж был устроен еще покойным адмиралом по обычному способу, распространенному на пригородных дачах и в частном секторе. На участке ставится железный бокс одним проемом впритык к забору, в котором намечается разрыв для створок, служащих въезду и выезду автомобиля (адмирал ездил на собственной «Волге»). Второй проем с дверью выходит непосредственно на территорию участка. Вероятно, в Штатах гаражи проектируют несколько иначе, так как миссионеров это сооружение удивило едва ли не больше, чем деревянный сортир, но они все равно решили использовать его по прямому назначению.

Покуривая, я непроизвольно хлопнул себя по карману в поисках телефона, и сообразил, что оставил трубку где-то в комнате. Выбросив сигарету, я вернулся в дом, зажег свет и глянул на стол. Только виски... Ага, вот мобильник на каминной полке, рядом со знакомой уже Библией... Хотя нет, какая же это Библия...

Не удержавшись, я взял книгу с полки и посмотрел на нее. Вместо креста на обложке был вытиснен странный знак: треугольник, вписанный в две концентрические окружности. Подобные изображения были на обложках брошюрок у девушек-лемуриек, пытавшихся когда-то охмурить Таньку.

Я наугад открыл несколько страниц: «путь света, познание истины, время прояснения» – в общем, как обычно в подобной литературе... Книга была на английском. На очень архаичном английском, если я что-то в этом понимаю. Я перелистал несколько страниц и задержался на заголовке, звучащем как «Precession for the novice». Прецессия для чего-то... или кого-то... «Положение инициатора и иницируемого определяется ситуацией, от кого и к кому переходит инициация – от мужчины женщине или наоборот, а равно и соотношением планет на момент прецессии иницируемого. Например, если Марс находится под углом 90° по отношению к Сатурну, то иницирующий мужчина должен находиться сверху при первой фазе». Это что – учебник по сексуальной астрологии?... Я перешел к титульному листу и даже поморщился: на странице изображался типичный бес: козлиная мор-

да с рогами, человеческий торс и пентаграмма у скрещенных ног. Пентаграмма, правда, не сатанинская, а «правильная», устойчивая – с одним лучом, направленным вверх, как на государственных символах – советских или американских. Какие-то слова на лентах, возможно, на латыни. «Solve» и «coagula». Может, и на другом языке, не знаю точно. Если не ошибаюсь, первое из них по-английски вроде означает «решить».

И еще один символ. В книге закладкой лежал сложенный вчетверо лист писчей бумаги, на котором кто-то делал пробные оттиски некой печати с логотипом. Логотип выглядел так, что вряд ли его (по крайней мере в нашей стране) одобрили бы к публичному применению: рунические буквы «S», точно такие же, как на петлицах у недоброй памяти некоторых германских военнослужащих сороковых годов прошлого века. Только у эсэсовцев были две буквы-молнии, а здесь – три...

С улицы послышался легкий гомон, донеслись приближающиеся шаги. Я положил книгу обратно на полку, взял телефон и, погасив свет, подбежал к собравшимся у забора Бэрримору и Старлингу.

Мы втроем кое-как завернули труп в мешки и брезент, туго обмотав получившийся тюк веревкой. Тело злоумышленника было положено в багажник «форда», и менее чем через пять минут наша компания заговорщиков выехала с участка.

За рулем находилась Кэсси, рядом в ней сидел Бэрримор.

Мы с братом Дэвидом расположились на заднем сиденье. Поездкой все же руководил я – мне были хорошо знакомы здешние места, и кому как не мне предстояло выбрать пункт конечного упокоения для парня, чье имя мне не было известно, и которое, если честно, я и знать-то совсем не хотел.

...Красно-синие вспышки, как правило, всегда настигают вас именно в тот момент, когда они ну совсем не к месту: экипаж ДПС появился, словно из преисподней на лыжах. Автомобиль с «люстрой» поравнялся с «фордом», и отсюда прозвучал хриплый голос, усиленный аппаратурой: «сто двадцать четыре, примите вправо и остановитесь!»

Ну и понедельникек!..

– Что я должна делать? – спросила Кэсси по-русски.

– Остановиться, – сказал я по-английски. – Убежать вы не сможете. Они вас догонят. Попробуйте поговорить с ними. Покажите документы. Думаю, что мы их не интересуем. Они ищут пьяных.

Инструкция, которую я выложил самым спокойным тоном, была принята к исполнению. У меня, конечно, кошки скребли в желудке, когда из остановившейся чуть впереди «Лады» к нам вразвалочку пошел человек в форме.

– Здравствуйтесь, сержант ДПС бу-бу-бу, бу-бу-бу, ваши документы!

– Доброй ночь, сарджент, – промурлыкала Кэсси, подавая пачку бумаг – как я понял, свое международное удостоверение, доверенность на автомобиль и страховку.

– «Кассандра Эф Розевалл», – несколько ошарашенно прочел вслух сержант. – Это вы?

– Моя фамилия Роузволл, сэр, – пропела Кэсси. – Я гражданка Соединенных Штатов Америки, а это мои коллеги, сотрудники религиозной миссии...

Фраза была тяжеловата для Кэсси, но женщина произнесла ее практически без заминок. И вообще держалась молодцом, надо отдать ей должное. Гаишник посветил фонарем в салон, решив посмотреть на коллег. Старлинг степенно перебирал четки (уж не знаю, откуда он их вытащил – ни разу их у него не видел), Бэрримор прижимал левой рукой к груди Библию, а в правой держал заготовленный паспорт с орланом и звездой на обложке. Только у меня в руках ничего не было. Луч фонарика светил мне прямо в лицо секунды три – наверное, сержант решил, что я не особенно похож на американского религиозного деятеля.

– ... *Откройте багажник, – прозвучало суровое распоряжение.*

– *Но, офицер... – начала Кэсси.*

– *Прошу вас выйти и открыть багажник, – жестким тоном продолжил сержант.*

– *What the matter? Это что, досмотр? – рискнул задать я вопрос с акцентом. – Вы должны пригласить понятых...*

Из «Лады» вышли два стража порядка. Один из них держал в руках автомат.

– У нас есть ориентировка – белый «форд», который был угнан и использовался при ограблении... Выйдите и откройте багажник, в противном случае мы будем вынуждены взломать его самостоятельно!

– Вы не имеет право...

– Ломайте, – послышалась команда.

Сзади раздался железный треск и приглушенные возгласы – видимо, стражи порядка увидели то, что лежало в багажнике.

– Вызывайте оперативную группу, – донеслось снаружи. – У нас группа подозрительных лиц с трупом в багажнике!..

...Нет-нет! Весь этот обмен репликами промелькнул всего лишь в моем воображении, также как и взлом багажника. На самом деле сержант вернул документы мисс Роузволл, пожелал счастливого пути и посоветовал соблюдать осторожность в темное время суток.

После чего отчалил. Брат Дэвид с шумом перевел дыхание. Брат Ричард помянул «Джизэса Крайста». Сестра Кэсси по-прежнему держалась отлично. Железная леди!

– Поехали, – сказал я.

Минут через пять я увидел знакомый ложок, с протекающей по его дну речушкой под названием Турлак, впадающей в Чаус. Там иногда возвращающиеся в город дачники устраивали помывки своих машин в надежде сэкономить на мойке, но местные из расположенной неподалеку деревни с

тем же названием, что и у речки, скоро просекли это дело и принялись отжимать деньги якобы за загрязнение окружающей среды. Тем, кто отказывался платить, могли запросто выхлестать лобовое стекло. Турлак вообще прослыл не самым спокойным местом на этой трассе. У меня был один знакомый, выходец оттуда, так он рассказывал – у них там почти на полном серьезе считается, что если мужчина лет до тридцати умудрился не попасть на зону, так он вроде бы и не совсем мужчина даже...

Фары выхватывали причудливо извивающиеся, словно кишки, петли кривой грунтовки, тянущейся вдоль речки по направлению к деревне. Это была не основная дорога, по которой с шоссе можно было попасть в Турлак, но нам сейчас была нужна именно эта. По моей команде Кэсси остановила машину, заглушила двигатель и погасила фары. Я прислушался, высунув голову в окно. Над Западной Сибирью стояла гробовая тишина и кромешная тьма.

– Дэвид, пошли со мной, – сказал я, – фонарь не забудь.

Мы со Старлингом вышли из автомобиля и прошли метров десять к речке. Ага, вот тут эта расселина, куда иногда бросают мусор. С дороги ее совсем не видно, а то давно бы уже превратили в свалку. При свете фонаря она казалась почти бездонной, но я помнил, что в прошлом году здесь было по меньшей мере два метра глубины. Надо думать, за такой короткий срок тут не должно было что-либо сильно измениться.

– Сюда, – сказал я только.

Брат Дэвид прекрасно понял меня, и мы вернулись к машине за Бэрримором и трупом. Втроем мы выволокли тело гоблина из багажника, подтащили его к яме и, распеленав, сбросили на дно. Но предварительно я кинул в расселину принадлежавший злоумышленнику ножик – небольшую бандитскую «выкидуху». Я сложил ее, постаравшись не оставить свои отпечатки, чтобы чего доброго, не навела на мой след. Затем из багажника были вытащены две лопаты...

Когда мы выехали обратно на шоссе, я включил телефон, который до этого момента держал выключенным – чтоб не отвлек в неподходящий момент. Татьяна позвонила в этот же миг, словно почувствовала.

– Андрей, ты куда пропал? – с тревогой заговорила она. – Первый час ночи!

– Пытаюсь поймать такси, – изобразив тоску, соврал я. – Вообще ни одной машины нет.

– Ты будь осторожнее, ночью-то на дороге! Мало ли какие уроды могут там быть... Может, заночуешь на даче, ведь не выгонят же тебя?

– Может быть... Я позвоню, если что минут через двадцать.

– Давай, жду. Позвони в любом случае.

Ночевать на даче мне совершенно не хотелось. Пусть мне эти евангелисты и казались людьми неплохими, да сегодня вечером я еще оказался «повязанным» с ними, но они бы-

ли для меня уж очень чужими. Поэтому я попросил Кэсси довезти меня до дома, будучи уверенным в том, что она не откажет. Никаких проблем, сказала она. Только Бэрримор и Старлинг потребовали, чтобы их завезли по пути в Шатуни-ху. Кроме всего прочего, есть смысл в том, чтобы хотя бы в первом приближении, прямо сейчас, не дожидаясь утра, привести в порядок злополучное место возле забора. Мешки, брезент и веревку, которые выполнили свое жуткое предназначение, миссионеры тоже захватили с собой, как я понял по их репликам, для скорейшей утилизации.

Сестра Кэсси, в которой я видел своего рода «настоятельную» миссии, не погнушалась высадить у ворот дома обоих мужчин-арендаторов, а сама погнала машину в сторону города. Мне страшно хотелось курить, но я даже не пытался спрашивать разрешения. Наступила реакция – меня стало трясти и поташнивать. Хорошо хоть, что мне в жизни уже «повезло» иметь дело с покойниками, а то еще неизвестно, как бы я справился!

Но каким же настырным был этот покойник! Любой другой мелкий шпанец всяко должен был отстать, столкнувшись с адекватным отпором... Или этот тип имел определенную цель? Явный деклассированный элемент, бывший сиделец, урка мелкого пошиба – ну какая могла быть у него цель, кроме как отжать бумажник и телефон у припозднившегося прохожего? Так какого же лешего он едва ли не с самого начала пытался выхватить у меня пакет с письмом? Случайно

ли? Ну уж не телепатом ведь он был и не провидцем, сумевшим разглядеть сквозь непрозрачный полиэтилен конверт с... С чем? Да с Танькиными же каталогами! Тьфу, чушь какая! Трудно даже вообразить, что кто-то (кто?! не Татьяна же!!) узнал о том, что я собираюсь отвезти письмо из Нью-Йорка моим арендаторам! Не сами же они наняли этого отморозка, чтобы он отобрал письмо у самых дверей и вручил его самолично через пару минут!

Я даже хихикнул, и меня передернуло. Вот ведь нервы!

– What’s wrong? – донеслось с водительского места.

– It’s alright, – ответил я.

Сестра Кэсси не преминула поинтересоваться, не нашла ли моя жена пакет, пока мы ездили прятать улики? Нет проблем – я набрал номер, и Таня жалобно сообщила, что пакет действительно запропастился неизвестно куда. Эту информацию я передал Кэсси, разумеется, без интонации, в которой по-прежнему слышал фальшь...

Добрались мы быстро – заполночь машин на городских улицах мало, да и водит мисс Роузволл очень даже неплохо. Но времени было уже прилично, я чувствовал, что завтра работать буду не в состоянии, а потому отправил своему заказчику СМС с просьбой отменить возможную утреннюю поездку. Я написал, что у меня проблема с машиной – так подрядчики-водители частенько врут работодателям в случае форс-мажора или алкогольного отравления. И тут же получил ответ – ничего страшного, информация принята.

Мы въехали во двор дома, и Кэсси остановила «форд» возле моей «тойоты».

– Думаю, мы сделали все правильно, – произнес я по-английски, скорее всего, лишь для того, чтобы хоть что-то сказать. Просто так бросать «до свидания» было неловко.

– Я в этом тоже уверена, – с готовностью согласилась Розуволл. – Поступить иначе было невозможно.

– Да, – сказал я, открывая дверь. Большое спасибо за все. До свидания... Кэсси.

Она повернулась назад и странно улыбалась. В полумраке ее лицо выглядело очень даже привлекательным. Да ведь ей от силы лет двадцать семь, – вдруг ни с того ни с сего пришло мне в голову.

– Бай, Энди, – просто и коротко сказала «настоятельница».

* * *

...На даче было темно и тихо. Я заглянул в каминную комнату и убедился в том, что она пуста. В камине зловеще краснели угольки. На столе стоял стакан и бутылка с чем-то прозрачным. Мне страшно хотелось пить, я налил себе в стакан этой жидкости, сделал осторожный глоток. О ужас! Водка! Откуда она только тут взялась?!

Я прокрался по коридору и взобрался на второй этаж, откуда шло слабое свечение. Вот как! Там возле столика со сто-

ящим на нем зажженным ночником сидела мисс Роузволл с каким-то тонким продолговатым предметом в руке.

– Вчера приезжали из полиции, – вдруг сказала она. – Они все знают. Вот, смотри, что они нашли...

Кэсси встала и приблизилась ко мне.

– Но ты не бойся. Мы все устроили, – мягким, успокаивающим тоном произнесла она, подходя все ближе. Ее лицо уже было в нескольких сантиметрах от моего. На губах женщины играла легкая улыбка. Целоваться она, что ли, надумала?

Пока я размышлял, случайно бросил взгляд на предмет, который Роузволл держала в руке. Каминная кочерга? Что значит «они нашли?»

Я перевел взгляд на лицо Кэсси и с воплем отскочил назад: эту рожу я ни с какой другой спутать не мог: белые остекленевшие глаза, окровавленная губа, кривые зубы и острые уши! Мертвый гоблин-гопник!

– Я пришел, – прохрипело создание и взмахнуло кочергой. Дико крича, я кое-как увернулся от него. А ходячий труп надвигался на меня, наступал... Я почувствовал, что спиной уперся в угол комнаты, и понял, что бежать некуда. Мертвец подошел совсем близко, разинул щербатую пасть и опять замахнулся своим орудием... Все, это конец – теперь он точно не промахнется!..

– Перестань вопить, – громким шепотом сказала Таня. – Вечно у тебя так: надерешься на ночь, потом кошмары да-

вят... Спи давай, тихо.

Я напился воды из стакана, благо разумно поставленного на тумбочку рядом с диваном, и дальнейший сон прошел уже без подобных жутиков.

Утром, конечно, я чувствовал себя неважно, но на этом не обязательно заострять внимание. Татьяна к моменту моего пробуждения убежала на работу, а я едва ли не первым делом принялся за поиски корреспонденции для американцев. Вчера мне не хотелось будить Таню (тем более что я по возвращении действительно допил-таки водку под холодный голубец), а сегодня утром я не сильно желал встать. Поэтому момент, пока моя жена еще находилась дома, был упущен.

Поиски оказались безрезультатными. Темный полиэтиленовый пакет, точно такой же, в каком вчера я увез на дачу никому не нужный каталог, валялся за кухонной дверью в пачке ему подобных пакетов. Но содержимого нигде не оказалось. Куда же делся конверт, черт возьми?

Я набрал Танин номер.

– О! Ты все-таки нашел в себе силы восстать? – Танька решила слегка поехидничать.

– Точно. Ты мне вот что скажи: ты вспомнила, куда делся конверт?

– Нет, не вспомнила, – чуть помедлив и перестав ехидничать, сказала Таня. – Может быть, ты все-таки сам его куда-нибудь засунул?

Мне показалось, что она как-то не так произнесла эту

фразу. Повторяю – мы живем вместе уже не первый год, а за приличный срок неверные нотки друг у друга в речи и более тупые люди распознавать научатся.

– Не засовывал я его никуда. Где мой конверт?

И опять пауза.

– Не знаю. Ищи сам, я-то откуда знаю, где ты свои вещи разбрасываешь?

В оркестре уже фальшиво гремела по меньшей мере треть инструментов. Я попытался хоть немного прекратить подобную какофонию, но имея под рукой только трубку телефона, это сделать было непросто.

– Но я сейчас только что нашел пустой пакет из-под нужного мне пакета!

– «Пакет из-под пакета». Маскаев, хватит уже. Если ты сам ничего не помнишь, то нет смысла заставлять меня вспоминать неизвестно что! И вообще, я занята. У меня работа, и я не могу позволить себе ходить на нее когда мне вздумается, в отличие от некоторых...

Я даже не стал отвечать, нажал отбой и в сердцах швырнул мобильник на диван. Нет, это на самом деле черт знает что!

После завтрака и перекура я немного успокоился. В конце концов, Таня – всего лишь женщина, со всеми вытекающими. Вечером разберемся, может, дело-то пустяковое...

Но где же, черт возьми, американская почта?!

Я облазил всю квартиру. Она у нас небольшая, числом комнат аж в одну плюс кухня и все такое прочее. Я нашел

пару потерянных еще в позапрошлом году компакт-дисков и ржавый напильник. Из-под шкафа я выскреб древнюю открытку с серпом и молотом, а под стиральной машиной обнаружил маленький плоский ключ. В углу прихожей нашлась недавно оторвавшаяся откуда-то, и явно не моя пуговица шоколадного цвета с блестящими вкраплениями, которой тут еще вчера днем точно не было. Но того, что мне было нужно, я так и не сумел отыскать.

В бестолковых занятиях я провел день до обеда, поминутно ожидая звонка от Бэрримора, которому обещал сегодня уж точно отдать конверт и, когда телефон зазвонил, я почти был уверен, что это брат Ричард решил напомнить о себе. Мне действительно звонил евангелист, хотя и несколько иного разлива, а именно местного – про меня неожиданно вспомнил Павел Столяров.

– Привет, Андрей! Давно хотел с тобой поговорить, да вот повода не было пока что.

– Ну, привет. Повод появился?

– В какой-то степени. Встретимся?

– В ДК Островского?

– Если ты не хочешь туда ехать, давай где-нибудь в другом месте. – Павел верно расшифровал мой тон.

Я посмотрел за окно. Лето, да и только. Ветра нет, солнышко, птички поют, пива хочется...

– Давай где-нибудь в летнем кафе на проспекте, – предложил я.

Павел согласился и, после обсуждения точного времени и места, мы договорились о почти немедленной встрече.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

– ...Вот, а потом твои американцы будут заявлять, что за нами, бедными, идет охота по всему свету, и так далее и тому подобное, – закончил свою тираду Павел.

Я с наслаждением отхлебнул из кружки. Пиво было так себе, но, по крайней мере, свежее и холодное. Хорошо бы еще закурить, но пока не будем задымлять некурящих. Пусть лучше поподробнее расскажет о своих подозрениях. Конечно, критику чужих верований я уже и раньше слышал, да и не один раз...

– Возможно, ты прав. Но мне кажется, они действительно кого-то опасаются, – сказал я на всякий случай.

– Кого? – быстро спросил Павел.

– Не вас, – заверил я. – Вы, как и православный антисектантский комитет, для них, как я понял, не более чем досадная помеха.

Павел даже поморщился.

– Они тебе не рассказывали, где и каким образом вербуют себе прихожан?

– Нет. Кстати, я ни одного прихожанина у них ни разу не видел. И вообще, они больше похожи на очень демократичный монастырь из трех человек, причем разнополюй... – Я замолчал, задумавшись: может, эти трое действительно ни-

какие не христиане, а просто дауншифтеры из Штатов, своего рода шведская семья или что-то в этом роде... Имеют какую-то ренту, работать не хотят, вот и махнули в Сибирь, ловить экзотику... Поживут здесь, пока уши не отморозят, потом переместятся куда-нибудь в Микронезию отогреться...

– Какой там монастырь, – махнул ладонью Павел.

– Тогда кто они, по-твоему?

– Ты будешь смеяться, но они могут оказаться достаточно темными культистами. Я даже не исключаю ересь с сатанинским уклоном. От церкви ЛаВэя в последние годы столько различных ответвлений откололось...

– ЛаВэй – это главный сатанист всех времен и народов?

– Вроде того. Считается основателем и верховным жрецом церкви сатаны. Но, на мой взгляд, сатанисты существовали еще задолго до него, просто ЛаВэй оседлал эту религию, сделал ее своей фирмой, что ли... Ну, не в нем дело.

– Но как сатанисты могут выдавать себя за христиан? Сатана вроде же боится бога? Да и символика, сам понимаешь, у них уж очень разная.

– Ты поменьше читай агитки православных дьяконов, – Столяров опять поморщился. – Убежденный сатанист и в храм войдет, и на икону перекрестится – ничего ему не будет. Если он не одержимый, конечно. Но одержимому среди серьезных сатанистов и так не место.

– Кстати, православные дьяконы очень многие объекты

поклонения причисляют к сатанообразным. Кришну того же взять. Я уж не говорю про тех клоунов, которые себя иисусами самопровозглашают.

– Как христианин, в данном случае я абсолютно согласен с православными дьяконами, – по всей видимости, искренне, заявил Павел.

Я снова приложился к кружке. Разговор наш, конечно, был небезынтересным, но несколько бестолковым. Столяров явно ходил вокруг да около, не рискуя мне сообщать всю информацию.

– Откуда у тебя информация, что американские миссионеры поклоняются сатане? – спросил я прямо.

– Слышал такое название «солгулианцы»?

– Первый раз слышу, – сказал я, но через полсекунды сообразил, что это слово мне в некоторой степени знакомо.

– Это как раз касается ересей сатанизма. Впрочем, не только. Про тамплиеров слышал?

– Про тамплиеров сейчас все хорошо знают. По фильму «Код да Винчи» в основном. Но что общего между крестоносцами и слугами дьявола на чертовой мельнице?

Павел заказал себе большой стакан пепси, а это, видимо, значило, что он решил-таки мне выложить немало интересного. Я приготовился слушать.

– Историю ордена тамплиеров я знаю плохо, поэтому не буду на ней останавливаться. Когда их начали громить и арестовывать, инквизиторы предъявили рыцарям массу обвине-

ний, естественно, смехотворных. Вроде поклонения черным котам, смоленным веревкам и сушеным человеческим головам. Но эти обвинения, по крайней мере, исторически зафиксированы.

В некоторых публикациях говорилось, что тамплиеры обвинялись еще и в поклонении демону по имени Бафомет. Подобного обвинения в реальной истории не было. Мнимую ересь тамплиеров выдумали историки, а затем подхватили журналисты. Зачем это было сделано – вопрос, конечно, интересный.

Церковь сатаны, как известно, имеет своим символом козлиную морду, вписанную в перевернутую двумя лучами вверх пентаграмму. Этого козла в древности называли как угодно, но только не Бафомет. Сравнительно недавно, в восьмидесятые, церковь сатаны закрепила за собой этот символ в качестве товарного знака. Кстати, многим последователям ЛаВэя не нравилась коммерциализация их культа, но про это я тоже не так много знаю, чтобы уверенно всё рассказывать.

Я знаю другие вещи. До того, как стать символом сатанистов, Бафомет изображался с правильной пентаграммой и без букв еврейского алфавита. И вроде как дистанцировался от сатаны. Конечно, хрен редьки не слаще, демон все равно остается демоном. Хотя в древности Бафомет не выглядел как козел – его впервые изобразил таким Элифас Леви, французский мистик и мракобес девятнадцатого века. Но

вот что интересно – на теле у изображенного демона, или просто где-нибудь рядом с ним как правило писали девиз на латинском языке: «solve et coagula», что означает «*растворись и застынь*».

– Слушай, а ведь я где-то видел эти слова! И притом недавно.

– А где, не помнишь? – с надеждой спросил Столяров.

– Нет, – соврал я. Сам-то я отлично помнил эту надпись в странной книге на даче.

– Жаль. Если бы знать точно, мы бы могли вывести этих американских псевдохристиан на чистую воду...

– Слушай, ты не против, если я буду курить? Уши слегка опухли. Может, сумею вспомнить.

– Да кури уж, конечно... Ну вот, если взять первые буквы слова «solve» и последние от «coagula», получим акроним «солгула». Солгулианцы – это довольно редкая и малоизученная секта. Радикальными сатанистами их, конечно, не назвать, но культ у них, мягко говоря, сомнительный.

– Но все равно – какая связь между миссионерами и тамплиерами? – спросил я, вытряхивая сигарету. – Если американцы с моей дачи не являются сатанистами в чистом виде, то кто же они тогда – потомки тех самых рыцарей? Тамплиеров ведь, насколько я знаю, истребили в хлам?

– Ошибаешься. Их орден существует до сих пор. Например, в Португалии тамплиеры были признаны невиновными, их никто не преследовал. Они сохранились в Германии,

Швеции, Шотландии, еще где-то. А сейчас можно насчитать не менее сотни организаций, которые претендуют на происхождение от храмовников. Разнообразие тут огромное, есть ли в их числе истинные рыцари – неизвестно, да и разбираться, я считаю, бессмысленно. Среди них имеются так называемые «восточные тамплиеры» – это явные сатанисты, их родоначальником был еще один известный мистик – Алистер Кроули. Так вот, я слышал, что солгулианцы не именуют себя прямыми потомками и продолжателями традиций храмовников, но намекают, что традиции «восточных тамплиеров» им сравнительно близки и понятны. Правда это или нет – я тоже точно не знаю.

– А цели у них какие могут быть?

– Ну, какие цели обычно преследует глава какого-нибудь сомнительного культа? Власть, деньги и удовольствия от невоздержанного образа жизни.

Я очень хотел спросить, какие цели преследует глава церкви, куда вошел сам Павел, но вовремя прикусил язык – не тот случай. Вместо этого сказал:

– Это слишком примитивно, хотя и верно. Да и речь не об этом – я говорю о частностях: для чего именно приехали к нам американцы? Что они намерены делать?

– Я почти уверен, что они приехали заниматься какими-то темными делами. Советую тебе быть осторожным с ними.

– Чем они могут мне навредить?

– Да хотя бы подставить могут. Про тебя и так уже с чьей-

то подачи пишут, что якобы ты – глава фирмы, которая чуть ли не родину распродает. Не хочу тебя пугать, но ты можешь даже не заметить того момента, как на тебе начнут ездить.

– Ну уж...

– Я серьезно. Люди из культов – это не обычные проходимцы, с которыми ты мог иметь дело. Это специалисты по промыванию мозгов, их обучают НЛП и прочим техникам влияния на людей. Очень серьезным и жестким техникам вплоть до гипнотических. К тому же наверняка в миссию вложены какие-то деньги, которые надо будет кому-то отработать. Ну, а что во все времена и у всех народов обычно искали и чаще всего находили того, кто будет отрабатывать тем или иным образом – про это ты и без меня отлично знаешь.

– И как тогда мне подстраховаться?

– Да очень просто. Как только они подкатят к тебе с каким-нибудь предложением, пусть даже безобидным на первый взгляд, постарайся разобраться, чем оно в будущем может для тебя обернуться. В крайнем случае можешь даже позвонить мне – я ведь неплохо разбираюсь в уловках, к которым прибегают ловцы душ.

С этими словами Павел даже улыбнулся белозубо. Похоже, он намекал на то, чтобы я информировал его о моих делах с арендаторами. Я хотел кое-что уточнить сразу же, но тут ему позвонили. Столяров достал мобильник и принялся разговаривать, как мне стало сразу ясно, с Эльвирой... «Со-лгулианцы», так он сказал. Вот ведь откуда мне знакомо это

слово – что-то уж очень похожее было в названии организации-отправителя из Нью-Йорка... Черт, но куда же заделалось проклятое письмо?!

– ... Да, я в летнем кафе у магазина «Надежда»... Ну да, а потом на Горную, в контору... Вводи, как обычно – «джиз-эс»... Сейчас уже едешь? А, ты скоро? Чудесно.

Павел закончил разговор и убрал телефон.

– Ну так что? Если вдруг почувствуешь что-нибудь неладное, дашь знать?

– Павел... Слушай, у меня есть небольшая просьба.

– Я тебя слушаю.

– Скажи мне, вы с Эльвирой все ваши дела обсуждаете? Я имею в виду, конечно, дела вашей церкви?

– В общем, да.

– А в частности?

– Да и частности, думаю, тоже.

– Так вот, моя просьба, можно сказать, личного плана. Эльвира практически каждый день общается с Татьяной. Домой к нам приходит. О чем-то они там беседуют. Я не знаю точно о чем, но мне это не очень нравится... Погоди, дай я закончу... Я точно тебе говорю – мы не ваши прихожане. Ты уже понял, наверное, что я за человек, и свою жену я вам тоже не отдам. Она мне самому нужна. Я ясно выразился?

– Зачем же так резко? Куда уж яснее...

– В общем, тогда без резкости: просто по-человечески прошу тебя передать Эльвире, чтобы она прекратила «оку-

чивать» Татьяну.

Павел издал несколько невнятных междометий, и я продолжил:

– Ведь это всего лишь услуга за услугу, ведь так? Как только Эльвира перестанет давить на мою жену, я тут же начну тебя информировать о делах миссионеров...

«Но специально шпионить за ними я, конечно, и не подумую», – добавил я мысленно.

– Хорошо, – серьезно сказал Павел. – Думаю, мы договорились. Я обещаю, что поговорю с Эльвирой на эту тему. Серьезно.

– Ну, тогда вот такой вопрос. Если не секрет, у тебя самого в этом есть какой-то интерес?

– Конечно, – нисколько не смутившись, заявил Столяров. – Я, как ты уже понял, давно не являюсь неофитом, и потому имею круг обязанностей более широкий, чем у рядовых посетителей наших собраний. У меня есть и определенный долг... И если я, например, сумею раскрыть истинную сущность и неблагоприятные дела какой-нибудь секты, которая рядится практически под нас, то мне это определенным образом зачтется.

Глаза Павла прямо-таки засверкали от предвкушения будущих побед. Нет, что-то он уж очень сильно радуется – его прямо «прет» от возбуждения.

– И только-то? – я сделал вид, что разочарован «мелочностью» устремлений Павла.

– Да, это действительно не главное. Ты прав... Знаешь, что? Есть сведения, что американцы приехали в Сибирь для очень серьезных дел. Таких, что даже вслух говорить нельзя.

– Воровать ядерные секреты?

Павел даже скривился.

– По сравнению с целями солгулианцев – это мелочи...

– Да неужели?

Кажется, я имею дело человеком, умным до сумасшествия. Наверное, с Павлом что-то случилось на религиозной почве...

– Да-да! – Горячо заговорил Павел. – То, что они ищут, способно перевернуть мир... И если мы не просто не дадим им это сделать, а сами...

– Добрый вечер, Андрей, – услышал я женский голос.

Супруга Павла, оказывается, уже минуту или две как подъехала и теперь стояла рядом с нами, не вмешиваясь до поры до времени в беседу. Ее вишневый «ланос» стоял у обочины недалеко от кафе.

– Здравствуй, Эльвира, – отозвался я.

Несмотря на крайнюю степень корректности наших отношений, я приподнялся со стула, но при этом случайно поддал коленом по ножке легкого пластмассового столика и рассыпал табачный пепел. Порыв ветра тут же взметнул его и слегка запорошил Эльвире куртку. Эльвира слегка поморщилась; ясно, что этот мелкий инцидент вряд ли улучшил ее отношение ко мне... На Эльвире была темно-рыжая кожаная

курточка, которая очень мило на ней смотрелась, оттопыриваясь на груди и сужаясь к талии. Я с интересом уставился на жену Павла, немного даже пренебрегая приличиями. Но меня в данном случае занимала вовсе не она, а ее куртка. И даже не сама куртка, а красивые пуговицы на ней.

* * *

Сказать, что у нас с Татьяной в этот вечер произошла семейная сцена – значит не сказать ничего. Я терпеливо дождался, когда Таня придет с работы, а встретив, не торопясь, не с порога, а лишь только после того, как она переобулась в домашние тапочки, открытым текстом спросил, какого, собственно, дьявола, делала вчера у нас в доме Эльвира Столярова?

Меня тут же, многословно и изобретательно обвинили в клевете, злопыхательстве и злоупотреблении пивом. Я все это внимательно выслушал, после чего спокойно сообщил, что не далее как сегодня встречался со Столяровыми сам, и мне вполне хорошо потому известно о том, что Эльвира к нам вхожа, причем почему-то именно в то время, когда я отсутствую. Заметив на лице жены замешательство, я посоветовал при следующем визите Эльвиры вернуть ей пуговицу, которую та потеряла именно вчера у нас дома, пока я ездил к арендаторам.

Конечно, я и сам говорил полуправду. Но, поскольку не

люблю, когда меня держат за дурака, решил, что имею право на некоторые полицейские приемчики. Естественно, я не соврал в открытую, что Эльвира прямо так мне раз и сказала, что была вчера у нас дома, но вывернул свои слова таким образом, что наша мимолетная встреча возле машины якобы принесла мне однозначную и убедительную информацию.

Эти приемчики сработали. Минут через десять после начала нашей беседы Таня начала сникать, а когда я предъявил косвенное вещественное доказательство, она наконец призналась, что продолжает общаться с Эльвирой, но! Все это делается лишь для общего семейного блага, и она очень надеется, что Андрей Маскаев рано или поздно тоже соизволит обратить внимание на то, что не единими материальными стимулами жив человек.

Тут мне пришлось призвать на помощь все свое красноречие и умение убеждать, чтобы в очередной раз доказать как дважды два: любые сектанты, неважно какой направленности, точно также как девочки-лемурийки, девочки-феминистки, да и девочки-эмэлэмщицы умеют так задуривать головы, что только крепкий ум (вроде моего) может сопротивляться охмурению, да еще и вытаскивать из болота глупенькую Таню, которой ее муж уделяет слишком мало времени...

Я намеренно поддался, пропустил легкий удар, но первый раунд все равно был за мной. Не допуская перерывов, я пошел в дальнейшее наступление, спросив как бы невзначай: не доложила ли Эльвира, уходя, о том, что прихватила с со-

бой письмо, ей не предназначенное?

Несмотря на мои отдельные успехи, я чуть было не проиграл. Таня с негодованием заявила, что такая порядочная и продвинутая женщина, которой является Столярова, вряд ли пойдет на тупую кражу неизвестно чьих документов... Которые, кстати, принадлежат этим американским деятелям, а они типы весьма подозрительные и вообще – Маскаев, ты с ними еще точно горяхватишь!

Я был почти уверен, что письмо прихватила Эльвира и, возможно, она не поставила о том в известность свою приятельницу и потенциального адепта. Несмотря на то, что в отношениях между мной и Татьяной появился холодок, отужинили мы довольно мирно. После ужина Таня принялась демонстративно штудировать Евангелие, но я сделал вид, что не придаю этому значения – пусть читает. Гекльберри Финн вон тоже читал, пока не подвернулась возможность то ли украсть дыню, то ли повесить кошку за убийство птички.

Выйдя на балкон, я глянул вниз – «тойота» стояла на месте, в отличие от меня, готовая к работе. Но сегодня было уже поздно, да и градус пива в организме превышал норму, а на завтра в планах действительно имелось несколько поездок. Размышляя о перспективах, я совсем было позабыл о брате Ричарде, но вот он про меня помнил. Выждав, по всей видимости, все возможные сроки, миссионер набрал мой номер, и мне пришлось ему отвечать, как бы мне это ни было тошно. Я как мог попытался убедить американца, что пись-

мо обязательно найду, чего бы это мне ни стоило – просто оно куда-то задевалось по ошибке. Не знаю уж, поверил ли мне Ричард, но закончил он словами «как найдете – не забудьте позвонить».

Чтобы больше меня не отвлекали во время перекура, я открыл балконную дверь и положил телефон на подоконник. До меня донесся приглушенный голос Тани – она тоже говорила по телефону. И, несомненно, с Эльвирой.

Я вполголоса выругался, вынул вторую сигарету и прикрыл дверь... С соседнего балкона, отделенного от нашего вертикальной стальной панелью, послышался хриплый голос дяди Гриши – хорошо поддающего водителя-пенсонера. Недавно он отправился на заслуженный отдых, и теперь, к ужасу его супруги, на радостях едва ли не ежедневно устраивает себе «день шофера». Жена со скрупулезностью сапера на минном поле постоянно обезвреживает по квартире его заначки, чтобы тот не наклюкался, но дядя Гриша все равно находит, что выпить, только не в слишком больших количествах. А на сигареты ему уже не хватает. Поэтому он по вечерам караулит, когда я выхожу на балкон подымить, и стреляет у меня курево. Мне не жалко. К тому же, дядя Гриша перед пенсией водил именно японские грузовики и микроавтобусы, подобные моей машине, и к нему можно в случае чего с вопросом обратиться. Поможет. Проверено.

Назавтра я с головой окунулся в работу. Оттарабанил отложенный вчера заказ, а потом умудрился принять и отработать один за другим еще три. Обедал прямо за рулем во время движения, думать о солгулианцах было некогда – шел «сенокос», а ведь до денег я человек очень жадный.

Часов в пять позвонил Бэрримор, все с тем же вопросом. Обрадовать его было нечем, он вздохнул и как-то неуверенно предложил мне подъехать на предмет покера. Я подумал, что на пару часов можно «переключиться» и, ответив согласием, поехал в Шатунику. Денег я сегодня заработал прилично, можно было позволить порожний пробег по пустяковому делу. Но мне еще очень хотелось взглянуть на одну вещь и, возможно, кое о чем спросить.

... Игра шла в этот раз вяло, без азарта и блефа. Мы пасовали, поднимали, открывали пары, тройки, каре, флэши и даже фулл-хаусы. Я проиграл рублей пятьдесят (в иные времена бывало больше, бывало меньше, а выигрывал я редко). Проигрыш Бэрримора оказался раз в десять крупнее, что для Ричарда было редчайшим случаем – этот человек был просто милостью божьей игроком в покер. В общем, игра шла так себе. Думаю, что тому виной был валяющийся на берегу Турлака покойник, который намертво «повязал» всех нас, и одновременно заставлял при встрече испытывать чувство подавленности. Я уже раза два подумывал сдать власть, потому что подобный груз порой казался излишне тяжким, но

понимал, что никогда этого не сделаю. Борясь с угрызениями совести, я убеждал себя в том, что вряд ли смогу оживить этого парня, сообщи я об этом инциденте. Доказывал себе, что «откинувшийся» уголовник, разгуливающий по темным переулкам с ножом в кармане, никак не может быть хорошим семьянином и полезным членом общества. И уповал на то, что со временем этот жуткий эпизод должен как-то «сгладиться» в моей памяти. Тем более что мы коротко обсудили его возможные последствия и договорились о полном и бескомпромиссном обете молчания. Никакой гоблин меня у дачи не поджидал, на участок не запрыгивал, и уж конечно, никто его потом не увозил прочь в багажнике и не закапывал в расщелине.

После игры я словно невзначай подошел к каминной полке. Я хорошо помнил про странную книгу, а также и рассказы Павла про сатанистов и тамплиеров. Странно... На том месте теперь лежала самая обычная Библия с крестом на обложке. Книга—перевертыш, вот так дела...

Ясно, что теперь никаких вопросов я не стал задавать миссионерам. Видимо, они решили убрать некоторые вещи, на которые я мог бы обратить свое внимание. Может, мои арендаторы и на самом деле не евангелисты, а адепты темных культов? Ну и даже если так – мне-то по большому счету какое дело? Особенно после того приключения. В общем, возвращаясь домой, я решил, что нет больше смысла тешить праздное любопытство и не лезть не в свое дело.

...Возле дома я встретил дядю Гришу, явно озадаченного традиционной проблемой. У меня как раз накопилось к нему несколько вопросов сугубо технического плана, и я шепнул, что попозже вечером выйду на улицу, при этом кое-что принесу с собой. Сказано – сделано. Около девяти часов мы расположились у моей «тойоты», открыли капот и принялись за довольно продолжительную научно-исследовательскую работу в области двигателя внутреннего сгорания. Естественно, мы также попутно занимались изучением свойств некой прозрачной жидкости в полулитровой бутылке – а как же без этого? Дяде Грише я позволил изучить значительно больше, чем себе, так как завтра мне нужно было с утра садиться за руль.

...Следующий день начался точно так же, как и вчерашний. Прием заказа, поверхностная проверка состояния машины, погрузка, маршрут, заправка. Городские пробки, неадекватные водители, отвратительное покрытие дорог. Разгрузка, новый заказ... Неожиданный звонок.

– Маскаев Андрей Николаевич?

– Да, это я.

– Областной следственный комитет.

Дождался-таки...

– Слушаю вас.

– Вы не могли бы сегодня подойти в управление? Тут складывается очень странная ситуация, в которой вы выглядите как одна из ключевых фигур.

– Меня в чем-то подозревают? – спросил я, держа одной рукой руль, другой – телефон.

– Если бы вас в чем-то подозревали, то вызвали бы повесткой на допрос... Пока ни о чем таком речи нет. Более того – вы пока имеете полное право проигнорировать этот звонок.

В такой короткой фразе дважды прозвучало слово «пока». Надо думать, это обычная полицейская практика, но можно расценить и как доброе предупреждение.

– Хорошо, я приеду. Когда и к кому?

Мне подробно ответили на мой вопрос и довольно корректно позволили согласовать время визита. Я обещал подъехать к четырем часам, про себя думая, что мне придется рассказывать о жителях американцев, которых я пустил на свое ранчо, где, кроме всего прочего, регистрировать жильцов – не самое законное занятие. Особенно иностранных граждан.

Я готовился к неприятным вопросам подобного рода и думал про то, как буду на них отвечать, и как мне потом решать возникшие проблемы. Но все оказалось гораздо хуже.

...Майор юстиции Роман Вересков оказался высоким и худощавым брюнетом лет сорока с тяжелым носом и грустными, понимающими глазами на продолговатом лице нездорового цвета. Он чем-то походил на Ричарда Бэрримора, пусть даже совсем неуловимо.

Мне было предложено сесть по другую сторону стола с

бумагами и захлопнутым ноутбуком, а также разрешено курить – в наше время такая любезность совсем нечасто встречается.

– Андрей Николаевич, прошу сразу учесть, что это никакой не допрос, никакого протокола вам подписывать не придется, и все ваши слова мне нужны только в плане информации.

Я с видом скептика покивал головой – мол, плавали, знаем... Мягко вы стелете, прокурорские, да жестко потом сидеть окажется. Вересков повторил мое движение и продолжил:

– Ну, если так, то такой вопрос: насколько хорошо вы знакомы с Павлом Витальевичем Столяровым?

Я не слишком ожидал подобного начала, но и не сказать, что был чрезмерно удивлен.

– Мы несколько раз встречались. Беседовали на разные темы.

– Сколько именно раз и когда?

– Если не ошибаюсь, всего два раза. Первый раз – примерно неделю назад в доме культуры имени Островского. Второй – позавчера в летнем кафе возле магазина «Надежда».

– Если не секрет, о чем вы беседовали?

– Не секрет. На религиозные темы.

– Понятно. Он приглашал вас на встречи их церкви?

– Нет. В ДК мы тогда приходили по приглашению его жены. – Вроде бы не тот случай, чтобы врать и юлить, подумал

я.

– Ну вот такой момент, Андрей Николаевич. Строго говоря, их церковь – это секта. Типа давно известной и уже слегка подзабытой «церкви Христа», вокруг которой в девяностые так много шума было. У вас не складывалось впечатления, что Столяров был навязчив по отношению к вам? Что он излишне настойчиво пропагандировал свою веру?

– Нет. Я полагаю, что во мне он нашел просто интересного собеседника. Я в нем, кстати, тоже. Ему меня трудно было бы переубедить...

– Почему?

– Я полагаю, что мое мировоззрение уже давно сформировано. Я не метаюсь в поисках неких истин, и не запутался в жизни. Да и возраст у меня «непроходной». На таких, как я, сектанты внимание редко обращают.

– Но вы же сказали, что Столярову было интересно с вами общаться.

– Как образованному и начитанному человеку – да. Как сектанту, стремящемуся заполучить заблудшую душу – ни в коем случае. Я бы не поддался.

Следователь взял паузу. Я взял сигарету.

– Вы женаты? – вдруг спросил он.

– Гражданский брак, уже лет прилично...

– Возможно, нескромный вопрос: ваша жена могла встречаться со Столяровым без вашего ведома?

– Во-первых, Столяров сам женат, если вы об этом... А

что касается Татьяны, моей жены, то она иногда общается с женой Павла. По крайней мере, это все, что я знаю.

Вересков вынул из ящика стола небольшой блокнот, перелистал его и протянул мне со словами:

– Можете прокомментировать записи на этой странице? Только прошу не листать блокнот.

Я взял записную книжку и сразу же увидел знакомые имя и фамилию. «Жена А. Маскаева – насч. амер. – информация о почте?»

Мне, сами понимаете, совершенно не хотелось комментировать эту запись.

– Боюсь, что я плохо понимаю, в чем суть этой фразы, – сказал я, возвращая блокнот.

После этогоследователь открыл крышку ноутбука, нажал несколько кнопок и повернул компьютер так, чтобы я видел изображенное на мониторе.

– Вы не читали эту статью?

Вересков предъявил мне давешний опус журналиста Чаповалова. Я про себя решил, что пора поговорить с этим шелкопером по душам. А следователю признался:

– Читал. Высосано из пальца. Масса фактических ошибок. Может быть, даже заказной материал. Хотел даже подать в суд, но тут – сами видите – изменена одна буква в фамилии.

– Вас кто-то очень хочет скомпрометировать?

– Меня это сильно удивляет. Я ведь не депутат какой-ни-

будь. Не чиновник. Я – простой водитель. Шофер, на грузовике работаю.

– Какие тут фактические ошибки вы нашли? Кроме искажения фамилии?

Я перечислил все, которые мне были известны. Начал, конечно, с неверного названия заморской церкви и с того, что американцы сроду не снимали для своих месс зал дома культуры Островского. Добавил, что автор малость перепутал две церкви или, если угодно, секты с очень похожими названиями. А раз журналист настолько вольно обращается с фактами, ничего удивительно нет и в том, что он назвал меня, ныне и давно там неработающего, сотрудником (судя по тону статьи – руководящим) неких фирм с криминальным душком.

Правды ради, я ведь формально был неработающим. Более того – я нарушал закон, так как фактически занимался незаконным предпринимательством, не имея ни регистрации ИП, ни счета в банке, ни лицензии, ни малейшего желания платить налоги. Но, на мое счастье, в данный момент прокуратуру не интересовали мои заработки. Ее даже не интересовал факт сдачи американцам в аренду моей дачи. Я очень надеялся, что дело не дойдет и до жуткого эпизода на этой даче. Вересков снова вернулся к моим делам с Павлом:

– Вы говорите, что обсуждали со Столяровым вопросы религии.

– В общем, да.

– А не могли бы изложить чуть подробнее основные моменты вашей вчерашней беседы?

Ага, щас...

– Мы обсуждали сатанистов, – сказал я.

– Кого? – Вересков, кажется, даже немного удивился.

– Церковь сатаны. А также ее духовных лидеров – ЛаВэя, Кроули. Ну, и про вред, который эта церковь может нанести молодым людям, не научившимся еще разбираться в жизни...

– Вы специально встретились, чтобы обсудить именно эту тему? – следователь легко сумел обнаружить фальшь как раз в нужном месте.

– Не только, – сказал я, понимая, что Вересков уже, скорее всего, допросил Павла и теперь сверяет его показания с моими. – Столяров с подозрением отнесся к представителям американской церкви – той, с которой их перепутал этот журналист Чаповалов. И обратился ко мне за помощью. Если, допустим, я вдруг узнаю, что эти миссионеры – не те, за кого себя выдают, то не мог бы я сообщить об этом ему, Столярову то есть...

– А за кого они себя могут выдавать?

– За христиан-евангелистов. Почти таких же, как церковь, где состоит Столяров. У них есть некоторые тонкие различия, для атеистов несущественные.

– И кем же они тогда является в действительности?

Я пожал плечами. Вересков снова перелистал блокнот.

Блокнот Павла. А какого, собственно, черта он находится в руках у следователя?

– Вот, смотрите, что он пишет: «Проверить версию про амер. нац. и солгул». Как вы думаете, что такое «нац. и солгул»?

– Мне такие вещи неизвестны... Это же записная книжка Столярова? Может, он использовал какие-то сокращения, которые только ему известны. Спросите уже его самого! Блокнот у вас, и он должен знать лучше, что в нем написано!

Вересков кинематографическим жестом открыл ящик стола и небрежно переправил туда блокнот.

– Такой еще вопрос, Андрей Николаевич... Можете на него не отвечать, если не хотите. Вы вчера где были около десяти вечера?

– Дома...

– Верю. И, наверное, жена ваша тоже дома была?

– Вне всякого сомнения.

– В это время кто-то из соседей или знакомых вас мог видеть дома? Или, может быть, вы с кем-нибудь по телефону разговаривали?

– Строго говоря, я был не совсем дома.

– Вот как? Где же именно?

– Рядом с нашим подъездом, на общественной парковке у моей машины. Мы с моим соседом, тоже водителем, обсуждали некоторые технические вопросы и делали мелкий ремонт. Думаю, нас там видели и другие наши соседи... Что-

то произошло в это время, да?

– К сожалению. Ваш знакомый Павел Столяров был убит вчера вечером в своей квартире.

Вот как!.. Уж чего-чего, но такого я не мог ожидать. И тем более – пожелать человеку, который хоть и не был мне другом, и представлял не вполне традиционный культ. Межконфессиональные разборки? А может, все тут гораздо проще, и это обычный городской криминал?

Вересков, без сомнения, увидел на моем лице все признаки обалдения.

– Вот-вот, – произнес он со значением. – Его жена Эльвира находится сейчас в больнице в очень тяжелом состоянии и, насколько я знаю, есть опасность летального исхода. Соседи, как обычно в наше время, ничего не видели и не слышали, за исключением несущественного шума примерно в двадцать два часа. В милицию позвонили только утром, увидев, что дверь в квартиру Столяровых приоткрыта.

– Грабеж? – тихо спросил я. – Или что-то другое.

– Боюсь, что другое, – Вересков не сумел скрыть свое недовольство. – Из квартиры ничего не взято. Я имею в виду ценности – деньги там, колечки, дорогую электронику. Но все перерыто вверх дном. Убийцы что-то очень хотели найти... Но что, понять трудно. Блокнот Столярова им оказался не нужен – они его выбросили уже во дворе дома – хорошо, оперативники глазастые оказались, нашли.

– Страницы-то все на месте?

Следователь посмотрел на меня с едва заметным одобрением.

– Вы догадливы. Похоже, что не все. Конечно, экспертиза найдет отпечатки записей, но результатов пока нет, а информация нам нужна любая, и как можно более быстро при этом. Понимаете?

– Безусловно.

– Я далек от того, чтобы подозревать в подобных вещах американцев. Иностранные граждане, да еще проживающие здесь почти что на птичьих правах – надеюсь, вы меня понимаете? – вряд ли будут убивать сами.

– Я не знаком с их кругом общения, – сказал я уклончиво. – Единственные люди, кого я видел рядом с ними – это бригада таджиков-ремонтников, да еще риэлтор на си-нем «БМВ» седьмой серии. Звали его, кажется, Владимир.

Следователь пробежался пальцами по клавиатуре – наверняка сделал пометку.

– Враги у них были?

– У кого? – осторожно спросил я.

– У Столяровых, конечно.

– Не знаю. Хотя, догадываться могу.

– Ну-у?

– У нас в городе работает комитет по борьбе с сектами. Нет, я не допускаю мысли о том, что этот комитет мог прийти до такой борьбы. Это бессмысленно и опасно. Просто в этой организации есть люди, которые считают себя святее Пат-

риарха... Помните – писали несколько лет назад про фанатиков, объявивших священную войну всем неправославным конфессиям и особенно сектам вплоть до уничтожения лидеров? Про пикеты телекомпаний, показывавших «Последнее искушение Христа»? Да взять нынешних «православных активистов»...

– Почти уверен, что это была утка, – серьезно сказал Вересков. – Или кто-то специально вбросил эту информацию. Вокруг этих «церквей» много подковерных игр, да и комитет, в свою очередь, иногда действительно заносит... – следователь резко прервался.

– В общем, про врагов я вряд ли что-то могу сказать, – я даже сделал руками чуть ли не извиняющийся жест.

– Н-да, – задумчиво согласился следователь.

– Я могу идти? – поинтересовался я, полагая, что мне сегодня повезло не записаться в разбойники.

– Еще один небольшой вопрос... – Следователь опять вынул блокнот Павла. —Имя и фамилия «Геннадий Ратаев» вам известны?

...Что-то, где-то...

– Не уверен, что я их раньше слышал, – произнес я, честно постаравшись напрячь память. – А с чем это связано?

Вересков снова спрятал блокнот.

– Спасибо, Андрей Николаевич, вы нам очень помогли, – с дежурной учтивостью проговорил он. – У меня больше нет к вам вопросов. Давайте, я отмечу ваш пропуск.

* * *

Бэрримор был снова расстроен, только теперь он окончательно понял, что письмо из Нью-Йорка действительно накрылось и притом окончательно. Американец даже не попросил меня позвонить, если я вдруг его найду. Я сунул трубку в карман и повернул руль вправо, въезжая в наш двор. Татьяна, судя по времени, уже дома, надо с ней обязательно обсудить полученную информацию.

Что я и сделал. Но не предполагал, что смерть Павла и беда с его женой так подействуют на Таню. Она не просто испытала ужас. Нет, сначала она даже не поверила, сказала даже «Маскаев, я не ожидала от тебя такого злопыхательства», но когда поняла, что я не шучу и не издеваюсь, чуть ли не впала в истерику. Честно скажу – в последнее время поведение Татьяны стало меня слегка удивлять и напрягать, но то, что происходило с ней сейчас, я был не в состоянии объяснить.

Словом, мы оба находились в расстроенных чувствах. Чтобы немного привести их в состояние, близкое к норме, я собрался сходить до ближайшего магазина. Что интересно, инициатива была поддержана.

Едва я отошел от подъезда, как в припаркованном на проезде черном «субару легаси-Б4» открылась дверь, и оттуда частично высунулся незнакомый мне мужчина со словами:

«Тебя зовут Андрей?»»

Впрочем, вопросительной интонации в этой фразе не было. Крепкий коротко стриженный мужик, примерно моих лет, в джинсовом костюме – он наверняка знал, кто я такой.

Я ответил утвердительно, молча вопрошая у всех чертей, за что мне такая популярность? Почему-то черти сразу же и с удовольствием ответили: это, дядя, все связано сам знаешь с чем.

И оказались правы.

– Меня зовут Артем, – представился стриженный. И добавил совсем в стиле девяностых: – базар есть.

– О чем?

– У нас общие знакомые имеются... Были.

Я внимательно рассмотрел этого парня. Невыразительное круглое лицо, белые брысы, толстые губы. Взгляд недобрый, оценивающий. Ни в коей степени не гопник, но и не деловой... Затем я демонстративно подошел к переднему бамперу «бэчера», запоминая номер и нажимая кнопки на телефоне. Не знаю уж, понравились ли эти манипуляции Артему, но комментировать он их не стал. Правда, и в машину он меня тоже не пригласил. Мы устроились на скамейке возле подъезда.

– Тебя, смотрю, не удивило, что я тебя знаю? – спросил Артем.

– Нет, – коротко ответил я.

– Понято. Тогда сразу к делу. У тебя есть то, что тебе не

принадлежит.

Я глубоко затянулся сигаретой. Черти радостно заплясали и запели: «письмо, письмо, пропавшее письмо!»

– Это ты о чем? – все же решил затупить я.

– Не догадываешься?

– Нет. Машину я честно купил.

– При чем тут машина? – с досадой протянул Артем. – Не в машине дело. А в том, что в твоих руках были документы, которые не дошли до нужных людей.

– Тебя кто прислал? – я сделал недовольный тон.

– Неважно. Достаточно того, что я все отлично знаю про тебя... Про американцев... Про Павла.

– Ну и кто из них нужные люди?

– Ни те, ни другие. Ясно?

– Более или менее. Но что касается Павла...

– Не бери в голову. Это не твоя и не моя забота. К тому же, документов и у него не оказалось.

– Проверяли?

– Слушай, Андрей, ну не лезь не в свои дела, – почти со-страдательно сказал Артем. – Тут происходят такие вещи, что про них тебе лучше не знать.

– Да я и сам стараюсь держаться от них подальше...

– Ну, это ты на словах. На самом деле ты уже влез куда не надо... Как говорят твои штатовские друзья, оказался в плохое время в плохом месте.

– Да не друзья они мне.

– Уж наверное. Но не в них дело. Говорю открытым текстом: эти пиндосы ничем не лучше и не хуже многих других, кто имеет интерес до известных тебе документов. Будь дело в Штатах, они бы тебя уже давно за яйца подвесили и иголки под ногти загнали. Здесь они, конечно, осторожничают. Но мы осторожничать не будем. Если ты, конечно, не отдашь нам документы. Поверь, они тебе совсем ни к чему. Даже если ты их прочтешь и сумеешь извлечь из них информацию, ничего доброго не поймешь. А вот неприятности – это точно. Очень крупные неприятности. Живешь ты вроде бы не один... Думаю, ты меня понял?

Я внимательно посмотрел на Артема. Это был действительно не гопник. Он казался куда более серьезным типом, нежели случайно убитый нами гоблин. Интересно, они оба из одной и той ли он шайки, которая убила Павла? Наверняка эта гнида знает убийц. Взять бы его за шкварник, да притащить прямо в следственный комитет... А лучше в убойный отдел – опера-то покруче следаков будут...

– И пойми: ничего личного, – вдруг сказал Артем, наверняка прочитавши на моем лице что-то такое-этакое. – Мне, знаешь, лишние головняки тоже ни к чему. Давай так: завтра в это же время я наберу твой номер, ты выйдешь сюда и отдашь мне документы. Поверь, тебе же будет спокойнее!

Парень был сама искренность. Я ему, вообще-то верил. Если честно, знай я точно, где лежит письмо, вот сейчас бы встал, принес его и отдал. И забыл бы все эти дела вокруг

него как страшный сон. Павел?.. А что Павел? В конце концов, я что – память о нем предаю, что ли? Да и душевное состояние американцев мне по большому счету, до лампы. Главное, что они платят мне.

– Я поищу, – негромко сказал я.

– Вот и договорились, – сказал Павел. – Давай уточним твой телефон.

– Я думал, вы про меня уже все знаете, – произнес я. Но номер таки назвал.

– Да, есть кое-что, – серьезно сказал Артем. – Кроме того, ты вообще какой-то популярной личностью становишься.

– Это ты о чем? – насторожился я.

– Кури интернет, – как-то уж очень по-гиковски сказал Артем, вставая. Но был он серьезен, не улыбался. И руки на прощание не протянул. Меня он, впрочем, этим не расстроил.

* * *

«Покурить интернет» было делом недолгим. Я обнаружил, что моя фамилия склоняется не только журналистом Чаповаловым, но и каким-то блоггером, уверявшим, что я когда-то, будучи директором фирмы, якобы заставлял его выполнять наказуемые законом деяния. Ну там, черные и серые бухгалтерии, «схемы ухода» и прочие штучки, без которых не обходится ни один бизнесмен в Российской Феде-

рации, если не хочет разориться, конечно. Блоггер при этом упоминал фамилию Чаповалова – вот, типа, насколько уже хорошо про Маскаева все знают. Я, конечно, далеко не ангел, и знаю, что по моей персоне нет-нет да и всхлипнет уголовный кодекс (а покажите мне более-менее благополучного соотечественника, по которому не рыдает хотя бы кодекс налоговый!), но я не выношу, когда мне пытаются приписать поступки, которых я не совершал.

Решив заняться поганим журналистом завтра, я отправился на кухню, где расстроенная Татьяна собирала нехитрый ужин. Я выставил на стол вчерашнюю недопитую бутылку, что было встречено тихим согласием.

– Со мной встречался один не очень приятный тип, – сказал я Тане, когда мы уже немножко отведали еды и спиртного. А действительно, почему бы мне не поделиться проблемами со своей женой? – Как я понял, беда со Столяровыми приключилась из-за той упаковки документов, которые я получил на почте, и которые, как я почти уверен, стянула у нас Эльвира.

– Мне кажется, она не могла этого сделать, – сказала Таня, хотя и не так уж уверенно.

– Больше-то некому, – возразил я, разливая по третьей. – Пока я ездил на дачу к амерам, Эльвира воспользовалась ситуацией и приделала к конверту ноги. Вспомни, не уносила ли она чего с собой?

– Ну, у нее был с собой большой пакет – она мне книги

принесла.

– Опять духовную сивуху?

– А хотя бы и так! – Татьяна сразу выгнула спину дугой, подняла хвост и зашипела. – Не хочешь ты понимать благих вещей. Просто упрямо сопротивляешься...

– Выпей лучше... Вот, отлично, – одобрительно произнес я, когда мы оприходовали еще по рюмочке. – А теперь вспомни насчет «не укради» и как в эту заповедь вписывается поведение твоей подруги. Кстати, бог-то ее и наказал за это, по всей видимости.

– Пути господни неисповедимы, – торжественно произнесла Таня. Все-таки это уже была третья рюмка. – А вот Павел вообще ни за что пострадал.

– А ты не думаешь, что она по наущению Павла стянула конверт, а?

– Сейчас это не так важно.

– Правильно. Важно другое. Если допустить, что бандиты, кем бы они ни были, не нашли нужного им у Столяровых, значит, они попытаются выйти на нас.

Таня только пискнула испуганно.

– И как быть тогда?

– Пока, я думаю, ничего страшного. Для тебя-то уж точно.

– А для тебя? – настороженно спросила Таня.

– Тоже думаю, что бояться нечего, – с честными глазами солгал я.

ГЛАВА ПЯТАЯ

На следующий день я решил немного пренебречь работой, чтобы уладить один второстепенный, но сильно раздражающий меня момент. С самого утра за руль садиться без особой нужды не хотелось, поэтому я поехал на автобусе в один из бизнес-центров, где, в числе прочего, находилась редакция городского новостного сайта. Намерения у меня были не совсем такие, как у Оси Бендера, направившегося с визитом в газету «Станок», чтобы устроить имитацию скандала по поводу заметки с участием лошади. Я собрался устроить скандал настоящий.

Правда, когда я прошел через створ сурового охранника в холле (ладно, хоть документ не спросили), то обратил внимание на телекамеры, торчащие из всех углов в коридорах, и понял, что если начну бурагозить, то буду немедленно вышвырнут на улицу, или, что еще не лучше, препровожден в органы.

Пришлось импровизировать: в зеркалах кабины лифта хоть и отражался типичный шофер с высшим техническим образованием, общение с иностранцами (в том числе и за границей) наложило какой-то отпечаток на мой общий имидж. В общем, как только при выходе из лифта очередной сербер задал мне вопрос «вы к кому?», я показал все свои

зацементированные зубы и с восторженно-гнусявой интонацией (имитируя, как мог, америкэн англиш) поздоровался и потребовал встречи с самым главным боссом издания, потому что имею сообщить очень важную информацию. При этом, нещадно коверкая родной язык, выжимал слова «церковь», «конфликт», «очень важно». Кажется, я сумел заговорить охранника, но он меня никак не мог решиться пропустить, и вызвал какую-то девицу в юбке длиной сантиметров пять. Причем с разрезами сантиметра в четыре.

На мое счастье, обладательница такой вещицы, которую только в шутку могли назвать предметом одежды, знала английский лишь в пределах церковно-приходской школы Замухинского уезда. Поэтому мне пришлось потратить еще минут пять на то, чтобы донести до нее «очень важно». Девчонка, судя по всему, ранее из иностранцев видела только таджиков, причем преимущественно из окна маршрутки, что меня очень устраивало. Но она еще и начала откровенно подклеиваться, что меня устраивало значительно меньше. По крайней мере в текущей ситуации. Приняв игривый тон, я пообещал показать ей настоящее американское качество позднее, но только если она найдет мне хорошего журналиста, работающего по нужной теме. Вроде слышал такую фамилию – Чамопалов...

Девочка сообразила, кого я имею в виду, и скрылась в офисных дебрях, сверкнув красивыми ляжками.

Сергей Чаповалов оказался бледным, рыхлым и низкорос-

лым, но довольно упитанным субъектом лет двадцати трех. «Дженерейшен П», надо полагать. Увидев меня, корреспондент разразился скверно построенной фразой на международной фене, я ответил ему, тоже не шибко гонясь за грамотностью, но он понял, что я предлагаю перейти в какое-нибудь место вроде курительной – «smoking area» или хотя бы «fire stairway».

Пожарная лестница в здании имелась, и на ней действительно пока что разрешалось курить. Бизнес-центр был построен еще при социализме как вместилище проектных институтов, и тогда вряд ли кто-то предполагал, что в двадцать первом веке тут будут решать совершенно иные задачи и запретят курить на основной лестнице, увешанной камерами. На пожарной лестнице камер не было, и это мне понравилось сразу.

Не успел Чаповалов и рот открыть, чтобы начать работать, как я схватил его за грудки и шмякнул спиной о стенку, хорошо понимая, что свою куртку этот щелкопер долго будет потом чистить. Эта мысль привела меня в некоторый восторг. Еще в больший восторг я пришел, увидев очумелое выражение на физиономии Чаповалова. Естественно, будучи научен горьким опытом, я предварительно все же глянул – не торчит ли из стены какая-нибудь острая железяка.

– Здорово, гнида, – сказал я. – Моё фамилие Маскаев. Слышал про такого?

Глазки у корреспондента забегали. Наверняка слышал, а

то как же!

– Я... не понимаю... о чем вы... – сдавленно заблеял Чаповалов. Между тем «Остапа понесло». Меня, то есть.

– Все ты понимаешь, урод... Как ты там писал не пойми каким пальцем: «не работающий и принимающий участие в деятельности церкви нового завета» – это я. «Бывший сотрудник ряда фирм, которыми владели криминальные авторитеты» – это тоже я. И это, кстати, правда. Я сам из авторитетов. Первомайские мы. Кликуха моя – Маслак. Щас я тебя буду ломать, пока ты, падла, не расколешься, и не скажешь, кто тебе подогнал про меня всякое фуфло толкать...

Я хорошенько двинул журналиста под ребра. Этого ему было достаточно. Он заверещал как заяц и принялся закатывать глаза – ну точно барышня на выданье. Но жениться на таком дерьме, сами понимаете, даже не всякий голубой согласился бы, что уж обо мне говорить. Поэтому я двинул его еще разок, для закрепления эффекта, и принялся получать информацию. Информация была поучительной, надо сказать...

– Ну вот, Сергофан, – сказал я ему после того, как этот горе-корреспондент вывалил все, что знал про меня. – Тебе самому-то нравятся твои статейки? Хороши они, скажи сам?

Чаповалов промычал нечто неопределенное.

– Они чудовищны! – заявил я. – Не пиши больше!

– Это... как так? – Сергей от этих слов оторопел больше, чем от недавней экзекуции. С классической литературой

журналист явно не был знаком.

На пожарную лестницу выпорхнула давешняя девчонка в набедренной повязке и с сигареткой наготове. При виде меня и Чаповалова она стала мучительно догадываться, что происходит что-то не то.

– Бай, – сказал я корреспонденту. – If I'll can remember more, I'll say you about. – Затем, поглядев на слегка растерянную девчонку, щелкнул перед ней зажигалкой. Яркая представительница офисного планктона послушно сунула сигаретку в пламя. Девчонке я тоже сказал «бай» и покинул место для курения.

Никто меня не окликнул, не остановил. На улицу я вышел без всяких проблем, но, только добравшись до ближайшей остановки, полез за сигаретами. Итак, Чаповалов сообщил, что статью в первоначальном виде он согласовал с председателем антисектантского комитета. И статья, по его словам, выглядела тогда несколько иначе – по крайней мере, про Андрея Маскаева в ней не было сказано ни слова. Ну не знал он про меня, не знал... Вот только кто-то другой знал про меня. Тот, кто позвонил потом Чаповалову на мобильный и предложил мзду за то, что корреспондент воткнет в свою статью дополнительный абзац про меня. Десять процентов мзды были брошены авансом Чаповалову на телефон, а после публикации статьи на сайте никто никаких денег горе-журналисту даже не подумал доплачивать. Так что Чаповалов стал очередной жертвой кидал, но мне его жалко не было. Номер,

с которого ему звонили, оказался замаскированным, а электронный адрес, с которого прислали несколько строк текста, зарегистрировали на бесплатном почтовике и, как я серьезно подозревал, использовали один только раз – исключительно для передачи сообщения Чаповалову. Из какого-нибудь интернет-кафе... А не зайти ли мне выпить кофе, кстати?

Я вошел в почти пустое и сумрачное помещение, расположенное в павильоне близ остановки автобуса, заказал чашку черного по драконовской цене и оплатил машинное время (а вот оно в наши дни стало куда дешевле натурального кофе). Впрочем, кофе был на уровне, так же, как и скорость соединения.

Создав почтовый ящик и отправив с него письмо моему злопыхателю, я попытался найти сайт церкви, где подвизался покойный Павел (страница выглядела довольно убого), а потом некоторое время провел в поисках ресурса церкви, членами которой были мои арендаторы. Никаких страниц, ни на русском, ни на английском обнаружить не удалось. Ничего интересного я не обнаружил и насчет «солгулианцев».

Тем временем в мой новый почтовый ящик упало сообщение о том, что адреса, который я узнал у Чаповалова, более не существует. Мои подозрения оказались верными. Можно было заканчивать бесцельное брожение по киберпространству.

Хотя нет! Вот еще что надо обязательно сделать! Я забил в строку поиска два слова «Геннадий Ратаев», после чего про-

глядел несколько выпавших ссылок.

Этот человек был здешним. Выпустившись в середине девяностых с исторического отделения гумфака нашего госуниверситета, он еще недавно сотрудничал с некоторыми газетами, регулярно кропая очерки по истории Сибири. Когда бумажные газеты частью закрылись, частью переключились исключительно на зарабатывание денег, Ратаев создал собственный сайт, посвященный «белым пятнам» все той же истории края. Судя по всему, его исследования шли вразрез с официальными взглядами, но что именно вызвало ругань в комментариях, сейчас узнать было невозможно – сайт не работал. Вел Ратаев и «живой журнал», в настоящее время тоже «умерший». Кое-где остались отзывы, в основном невразумительные, но довольно эмоциональные. Господина Ратаева называли «манкуртом», «иваном-не-помнящим-родства», и «засланным казачком». Впрочем, попадались и определения вроде «истинный патриот» и «человек, который не дает переписывать историю в угоду конъюнктуре и политической ситуации».

Дальнейшая трата денег мне показалась нерациональной, тем более, при живом-то компьютере дома... С Геннадием Ратаевым, возможно, есть смысл повстречаться... Только что я ему скажу и что спрошу? Пока я не видел никакой связи между этим историком и сектантами, как отечественными, так и импортными. Между ним и бандитами – тоже сомнительно, чтоб что-то было.

Вспомнил про парня в черном «бэчере» и стало неудобно. Как-то раз преступники решили отобрать у меня одну штуку, а чтобы мне было легче с ней расстаться, припугнули похищением сына, который и сейчас живет с моей бывшей. Разумеется, я сразу отдал ту вещь, но ведь тогда она у меня была, а сейчас у меня нет того, что нужно этому вымогателю. Что же делать? К кому обратиться?

Я снова сел на скамейку у остановки и сунул в зубы очередную сигарету. Татьяну под удар нельзя подставлять, также как и сына. Но сама Татьяна мне тут не помощник, зря я ей рассказал про Артема, ох зря... О друзьях-приятелях я тоже думал. Толку от них не будет, это очевидно. От следователя – тоже. А времени до встречи с Артемом оставалось все меньше, и выбора у меня не было абсолютно никакого. Поэтому пришлось отбрасывать сомнения; я достал телефон и выбрал номер из числа избранных.

– Мне нужно срочно с вами встретиться, – сказал я, когда мне ответили. – У меня сложная ситуация. Я могу приехать сейчас?

– Приезжайте, – последовал сухой и короткий ответ.

* * *

Миссионеры переглянулись.

– Конечно, я тоже думала о том, что тот человек напал на вас неслучайно, – отчеканила Кэсси. – Скорее всего, он из-

начально был намерен отобрать у вас наше письмо. Наверное, ему хорошо заплатили. Или заинтересовали каким-то другим образом. Возможно, ваш новый знакомый вымогатель действительно был причастен к этому... Знаете, Эндрю, какие силы во всех странах пытаются противостоять евангелистам? И сколько их, всяких?

– Имя им – легион, – пробормотал Бэрримор.

– Верно, – продолжила Роузволл. – Во-первых, это фундаменталисты и ортодоксы всех мастей. Даже некоторые христиане, включая и русских православных, почему-то считают евангелистов чуть ли не врагами. Во-вторых, это крупные и богатые организации, вроде саентологов. Ну, а в-третьих...

– Это те, кто не гнушается даже убийствами, – сказал брат Ричард.

– О да, это страшные люди! Они связаны с чудовищными силами и мерзкими культурами. Их много, и ими движет только ненависть. Как их у вас называют... pre-paganists...

– «Доязычники», – опять подал голос Бэрримор. – Те, которые поклоняются совсем уже нечеловеческим богам.

«Пре-паганцы», – произнес я про себя. Как бы ни было мне сейчас неудобно, пришлось сдерживать смехок. Позавчера были тамплиеры, сегодня – доязычники. Ты, Маскаев, точно, не с теми людьми по жизни общаешься.

– Про Йог-Сотота и Дагона, знаете ли, я читал уже где-то, – сказал я.

– Доязыческие культы – это не поклонение литературным

героям, – Бэрримор даже не улыбнулся. – Здесь все гораздо глубже. Непонятнее. И страшнее.

– Мы даже не знаем точно, кому они приносят жертвы, – сказала Кэсси. – Ни имен, ни названий. Но нас они давно уже пытались запугать, еще в Штатах. Выходит, что они и до вас уже дотянулись.

– В античные времена негуманоидные божества существовали почти одновременно с богами языческими, – добавил Бэрримор. – В Египте, например. Хнум, Баст, Себек, да и хорошо известный Анубис – это ведь слегка адаптированные под тогдашнюю цивилизацию доисторические символы. Но наши недоброжелатели поклоняются, скорее всего, кому-то другому.

Я не то что бы не верил американцам, но у меня, во-первых было сильное желание порасспросить подробнее на предмет книги-перевертыша, во-вторых, фантастики я сам начитался порядочно. Доязыческие культы в Сибири. Американские евангелисты, неплохо разбирающиеся в древне-египетском пантеоне. Это уже было слишком, вроде Ктулху, спящего на дне Обского моря. Нет, лучше уж я поверю в Анубиса, чем подставлю Татьяну под удар. Да и себя самого тоже не хотелось подставлять – чего уж кривить душой?

– Ну, а насчет его нового знакомого, который тоже ищет наше письмо? – спросил Старлинг. – Что скажешь, сестра? Надо ведь что-то делать. Мы теперь одна команда.

Кэсси пожала плечами.

– Насчет одной команды давайте пока не будем бросаться словами... Наш друг Эндрю так или иначе создал проблемы себе и нам. Что я еще могу сказать?

– Как насчет того, чтобы решить эти проблемы совместными усилиями? – спросил Бэрримор.

– Я не думаю, что это хорошая идея.

– Позволю себе с этим не согласиться. Кроме того, что касается проблем. Андрей (Бэрримор теперь называл мое имя правильно, на русский манер, в отличие от Роузволл) решил сделать доброе дело – забрать для нас почту. Он не виноват, что мы его неверно проинструктировали...

– Ты его неверно проинструктировал, – сестра Кэсси задрала тяжелый подбородок. – А о таких случаях, как поступает Эндрю, здесь говорят так: «хотели как лучше, а получилось как всегда».

Мисс Роузволл неплохо знала наши реалии, надо отдать ей должное. Но стерва, конечно, та еще...

– Я все же склонен думать, что документы пока еще не достались нашим врагам.

– Я тоже хочу в это верить.

– Потому я и предлагаю решить проблему вместе.

– А ты умеешь убеждать, брат, – усмехнулась мисс Роузволл после небольшой паузы. – Только как ты себе это представляешь? Три американских евангелиста борются в чужой стране с русской мафией? Ты явно смотришь не те фильмы, брат.

– Не три, а два, – вдруг мягко поправил Старлинг. – Я же сегодня должен уехать в...

– Я вообще не смотрю фильмы про бандитов, – заявил Бэрримор. – Кроме того, это не русская мафия.

– А какая же тогда?

– Ты отлично знаешь, кто это такие, – отрезал Ричард.

Американцы замолчали. Мне казалось, что они хотят что-то мне сказать, но не рискуют. Возможно, не считают нужным делиться тем, что у них называется «inside information». Или просто думают, в каких дозах можно выдавать мне корпоративные секреты.

Сестра Кэсси начала вслух выкладывать план действий:

– Эндрю договорится о встрече с этим парнем. Желательно не в центре города, а где-нибудь недалеко отсюда. Пусть Эндрю будет на своем автобусе. Надо сделать так, чтобы парень вышел из своего автомобиля и подошел к автобусу. Ну, а тогда...

Мисс Роузволл полностью перешла на английский и закончила свою мысль. Я был просто ошарашен. Если евангелисты готовы действовать такими методами, то что тогда говорить о простых американцах? У них там что – все поголовно уокеры? Или Кэсси сама смотрит исключительно экшны?

Мои неуверенные попытки возразить или поспорить сурово отбил брат Ричард:

– У тебя есть идея получше?

К сожалению, у меня вообще не было никаких идей, как отвязаться от парня из черного «субару»... Поэтому я согласился. Деваться мне было некуда, да если честно, я не хотел и думать о том, как бы я поступил, если бы американцы отказались от совместных действий.

* * *

Артем, увидев, как Андрей Маскаев тщетно пытается вытащить свой микроавтобус из кювета, кратко выругался, остановился у обочины и вышел из автомобиля. «Хайс» засел в заросшей травой канаве между обочиной шоссе и узкой полосой деревьев, за которыми простирался обширный пустырь.

– Галстук привез? – с надеждой крикнул Андрей, высываясь из кабины.

Вместо ответа Артем открыл багажник и вытащил оттуда плоский трос.

– У тебя что – не «ведовая» машина? – спросил он, подходя.

– В том-то и дело, что нет...

Артем, надо полагать, был не в восторге от всего этого. Андрей сказал, что документы он нашел (а попробовал бы не найти!), только – вот беда-то какая! – застрял он недалеко от въезда в город, когда торопился домой. Вот если бы Артем подъехал, да привез с собой трос, тогда процесс переда-

чи документов, которые лежат дома, можно было бы существенно ускорить...

– И как ты ее вытаскивать-то будешь?

– Лебедка ручная есть... Подойди сюда, сейчас все сделаем.

– Бормоча под нос ругательства, Артем принялся осторожно спускаться в канаву. Возможно, думал он о том, каким образом этого дурака угораздило соскользнуть с шоссе, а может быть, и о том, как бы поменьше испачкать обувь. Маскаев тем временем выскочил из кабины, принял один конец троса у Артема и принялся подниматься по склону к одному из деревьев.

– Слушай, зацепи трос за крюк под бампером, – слышалась новая просьба.

Держа второй конец троса, Артем нагнулся и принялся шарить по выступающим металлическим частям в поисках крюка. Вроде нашел... С коротким лязгающим звуком карабин защелкнулся, и одновременно что-то долбануло по затылку, да так, что поросшая травой земля завертелась и прислонилась к лицу, погружая окружающий мир в темноту.

... Я обратил внимание на уверенную резкость быстрого движения Бэрримора, с которой тот погладил Артема по голове круглым поленом, и в очередной раз удивился тому, откуда у мирных евангелистов такие замашки. Быстро открыв двери салона, мы забросили бесчувственный организм внутрь, где эстафету подхватила мисс Роузволл. С по-

разительной сноровкой она скрутила Артему руки за спиной и заклеила рот скотчем. Ногами занялся запрыгнувший в будку Бэрримор. Затем лежащее тело было завалено пустыми картонными коробками, которые я набрал на складе одного из моих заказчиков именно для этого случая, американцы выпрыгнули из салона и быстро закрыли двери. Я смотал трос, думая, что время удивляться прошло. Теперь оставалось только действовать. Сев за руль, я включил оба моста (машина моя, как я уже, кажется, упоминал, была оснащена полным приводом), и без особых помех выбрался из канавы. Затем пересел за руль «субару», подождал, пока сестра Кэсси сядет рядом, и двинул вперед. Посмотрел в зеркало – микроавтобус, управляемый братом Ричардом, последовал за мной.

Это был довольно опасный момент. Останови сейчас любую из машин патруль ДПС, и отмываться придется очень долго. Если вообще удастся. Но нам повезло, да и ехать было чуть более километра. Я свернул с шоссе к Шатунихе, подъехал к воротам, и оба автомобиля вскоре оказались на территории миссии. Кажется, нас никто не видел, а если и увидел, то вряд ли придал какое-то значение банальной «движухе».

Я собирался было пересесть за руль «хайса», чтобы подогнать машину дверью как можно ближе к крыльцу, но это оказалось ненужным. Бэрримор уверенно развернул праворульную «тойоту» на пяточке и аккуратно, с первого раза, встал именно так, как надо. Как я уже говорил, удивляться

более было нечему.

В процессе путешествия внутри будки под картонными коробками Артем пришел в себя и теперь яростно извивался на полу кузова, точно червяк на сковородке. Ричард и я быстро втащили пойманного в дом и пронесли в комнату первого этажа, усадив затем на пол и прислонив спиной к стене. Мисс Роузволл плеснула в камин спирта и бросила спичку. Артем злобно пучил глаза, глядя на нас. Бэрримор каким-то почти профессиональным жестом содрал скотч с его физиономии и предупредил:

– Вопить тут бессмысленно. Никто не услышит.

– Ну Маскаев, ну сука, ты жеж уже покойник, падла! – возопил Артем.

– Придержи язык, – сурово произнес Бэрримор.

– А тебя, пиндос, посадят в нашу тюрьму... – И в нескольких словах доходчиво разъяснил, какие именно перспективы ждут американца в российских местах лишения свободы.

Кэсси, похоже, поняла, о чем речь. Издав негодующий возглас, она пересекла комнату, но вроде лишь затем, чтобы поворошить дрова в камине. Потом спокойно села на диван. Кочерга осталась лежать закопченным концом в пламени.

Бэрримор и ухом не повел. Он подтащил стул, уселся на него задом наперед, положив руки на спинку, а на руки – подбородок. Я устроился в кресле, спрашивая себя в очередной раз: снится мне весь этот абсурд, а если нет, то насколько скверно для меня все это закончится?

Старлинга, кстати, в доме не было. Он, как я понял, куда-то выехал. Куда, зачем? Надолго?

– Я тебе еще раз говорю, – произнес Ричард, – не надо ругаться в христовой обители...

– Чего?! – взвизгнул Артем. – Какая тут к черту христова обитель? Чего ты там несешь про христову обитель, сатанист хренов?

Бэрримор и это проглотил. Подождав, пока поток проклятий притихнет, он четко и размеренно изложил свои вопросы.

– Слушай меня. Сейчас ты расскажешь, на кого работаешь. Расскажешь, откуда ты узнал про наши документы. Расскажешь, кого ты подослал перехватить нашу почту. Расскажешь, как ты убил человека, которого зовут Павел. В этом случае у тебя есть шанс уйти живым отсюда.

Могу поклясться, что лицо Артема дрогнуло. Вероятно, неспроста он говорил мне, что эти американцы не так безобидны, как кажутся, и что они умеют убеждать.

– Если ты меня сейчаспустишь, пиндос, – ответил Артем, – то в этом случае у тебя есть шанс в течение суток улететь в твои долбаные Штаты живым и здоровым.

– По-моему, он плохо понимает, с кем имеет дело, – сказала Кэсси.

– Все он понимает, – возразил Ричард. – Кроме самого главного.

– Мои друзья знают, куда я поехал, – заявил Артем. – И

все знают, где находится эта дача. Так что если через полчаса я не приеду, меня начнут искать, и тогда вам всем троим будет деревянная крышка.

– Нам потребуется меньше получаса, – спокойно сказал Бэрримор.

Кэсси не спеша поднялась, прошествовала к сидящему на полу парню и, приподняв ногу, обутую в туфлю на невысоком, но довольно тонком каблуке, опустила затем Артему между ног, целясь каблуком прямо в промежность.

– I like to do it so much, – промурлыкала она. Артем завopil. Кэсси тут же убрала ногу.

– Понятно тебе, что мы справимся менее чем за полчаса? – спросил Бэрримор.

Артем был бледен, на его физиономии выступила испарина. Кажется, до него дошло, что с ним сейчас могут сделать все, что угодно. В отчаянии он даже обратился ко мне:

– Андрей, ну у тебя-то какие дела с этими пиндосами могут быть?! Скажи им, что нельзя, блин, на русской земле с русскими людьми так обращаться...

– Ты вчера намекнул, что если не получишь документы, то сделаешь плохо моей жене, – ответил я. – Именно поэтому я сейчас с большим удовольствием сам раздавлю тебе клубни... Русский, тоже мне, нашелся. Ишь, как заблеял!

– Да ты просто вообще не понимаешь, что творишь!.. Зачем тебе эти документы?

– У меня их нет. Хоть ты и гнида последняя, но я тебе

матерью клянусь, что их у меня кто-то забрал. Возможно, Павел, которого вы убили. Если он не сказал ничего, значит, документов вам не найти. И у меня не было другого выхода, кроме как притащить тебя сюда. Моя жена мне, знаешь ли, дороже, чем такое говно, как ты.

Артем оскалил зубы и зарычал. Наверное, теперь он мне поверил.

– Ладно. Давай, говори, – спокойно сказал Бэрримор.

С опаской поглядывая на Кэсси, Артем сказал:

– Вы же отлично знаете, кто я.

– Возможно. Но хотелось бы быть уверенным полностью.

– Он узнает, – Артем указал подбородком в мою сторону.

– Теперь это уже несущественно...

– Для вас. А для него?

– Странно. То ты ему угрожаешь, то боишься, что он узнает слишком много лишнего...

– Если он узнает про наши дела, не лучше ли ему оказаться там, где сейчас Павел?

– Тебе не кажется, что ты занимаешься демагогией, юноша?

Я обратил внимание на то, что Бэрримор, несмотря на свой неистребимый акцент, говорил (и, наверное, понимал) по-русски уж очень хорошо. Впечатление было такое, что я находился в помещении, где собрались не добрые христиане, наставляющие заблудшую овцу на путь истинный, а сотрудники спецслужбы, занимающиеся разработкой вражеского

агента.

– Ну тогда слушайте. И ты слушай тоже, – обратился Артем ко мне. – Эта команда, называющая себя христианами-евангелистами – нечто вроде масонской организации, которую в свое время не допустили к дележу жирного пирога под названием «мировая экономика», и теперь они из кожи вон лезут, чтобы хоть что-то успеть ухватить в тех местах, где еще не все поделено.

– Говорить бред про нас я тебя не просил, – заметил Берримор. – Лучше отвечай на мои вопросы.

Кэсси подошла к камину, вынула из огня кочергу, кончик которой был уже темно-малиновым, и снова положила ее на дрова. Намек был более чем понятным. Артем покопался сторону опасного инструмента, сглотнул и продолжил:

– В России не всем нравится деятельность подобных иностранных контор. Политической верхушке эта деятельность либо не кажется достойной внимания, либо еще есть какая-то причина, только на них все смотрят сквозь пальцы. За исключением, может быть, обществ типа нашего антисектантского комитета, но там предают анафеме всех, кто только чуть отклоняется в сторону от православия. А вот на нас сразу же вешают ярлык типа «наци», «неофашисты», а то и чего пострашнее. Но такие как мы, есть в каждом крупном городе. Я руковожу небольшим ее подразделением.

– Понятно. Типичная мафиозная структура, – вынес вердикт Ричард.

– Или действительно нацисты, – поддакнула Кэсси.

Про рунические буквы «S» у меня хватило ума тактично промолчать.

– Мой руководитель поручил мне познакомиться с человеком, который сдал вам этот... с позволения сказать, дом... Нас удивило, что он не только ваш арендодатель, но и доверенное лицо. Естественно, пришлось выяснять, не является ли он вашим резидентом, а то и вообще членом ложи...

– Ну и что удалось выяснить? – быстро перебил Бэрримор.

– Вы и сами, наверное, все знаете. У этого человека очень любопытный послужной список. Еще когда он был студентом-практикантом, его хватили за руку в речном порту, где он тогда работал и попутно занимался махинациями с грузом. Есть сведения, что «налево» однажды ушла целая баржа деловой древесины, но сам Маскаев сумел вывернуться. В начале девяностых он проходил по делу о хищении стратегических материалов и опять остался, как выяснилось, чистым. Хотя и продавал китайцам медь, незаконно вывезенную с энергетических объектов. Чуть позже он был объявлен погибшим на Северном Кавказе в результате случившейся там экологической катастрофы, но, как видите, выжил. Несколько раз ездил «челноком» в Китай, гонял японские машины из Владивостока. Сравнительно недавно химическая компания, в которой он работал старшим менеджером, была закрыта по решению суда как цех по производству синтетических наркотиков. Причем, когда начались аресты, выясни-

лось, что этот человек отсиживался за границей, а именно – в Японии. Откуда, кстати, его выдворили за ношение оружия. Ну и есть информация, что после каждого такого происшествия материальное благополучие у господина Маскаева пусть немного, но улучшалось. А это уже наводит на некоторые мысли.

– Надо же было все так извратить, – сказал я. Мне было очень неловко это слышать. Да, я действительно умудрялся не раз и не два находить опасные приключения на свою шею, частенько использовал дыры в законах, но преступником-то я не был... По крайней мере, опасным и злостным. Нормальная трудовая деятельность для русского человека на рубеже тысячелетий...

– Это называется «активная жизненная позиция», – с нарочитой серьезностью сказал Бэрримор. Наверное, он действительно обо мне многого не знал. – Но он никогда не был нашим человеком.

– Ну, я не думаю, что вы так щепетильны, учитывая ваш нынешний «кадровый голод»... Послушайте-ка... А не вы ли сами расправились с этим Павлом, а? – Артем сделал вид, что его неожиданно осенила потрясающая мысль.

– Нет, – просто ответил Бэрримор. – Я почти уверен, что его убили вы. Так же, как и его жену.

Артем произвольно выпучил глаза. «Ага, а ведь Эльвира-то жива... Что же тут происходит, черт возьми?»

– Значит, слушайте. Ни Павла, ни его жену ни я, ни кто-

то другой из моих знакомых и пальцем не трогал! – заявил Артем.

– Тогда кто?

– Вы, конечно, кто же еще?!

Кэсси вынула кочергу из камина – теперь ее заостренный конец был раскален до пронзительно-желтого цвета. Женщина медленно стала подносить орудие к носу сидящего. В глазах Кэсси плясали чертики. Готов поклясться, что от происходящего она была в полном восторге.

– Убери! – завопил Артем, мотая головой из стороны в сторону, пытаясь отодвинуть лицо подальше от кочерги. – Ну если не вы сами, значит он кому-то сболтнул про...

Артем несколько секунд смотрел на меня, думая, стоит ли говорить дальше при мне или нет. В его табели о рангах я находился значительно ниже американцев. Но меня он почему-то словно бы стеснялся, если так можно сказать.

Мисс Роузволл, словно согласившись с ним, положила кочергу обратно в камин. Артем тяжело дышал, злобно кривя рот. Да, он действительно не был гопником. Но и эти американцы не были мирными христианами. Но кем они все были тогда?! С кем я умудрился столкнуться?

– Про что? – спросил Ричард. – Продолжай.

– Вы уверены, что мы должны это сейчас обсуждать? – спросил Артем,

– А кто сказал, что документы вообще могут быть у Андрея? – спросил Ричард. Резонный вопрос, на мой взгляд.

Именно с него и надо было начинать.

– Мой руководитель, – кратко сказал Артем.

– Кто он? – стал уточнять Бэрримор. – Как зовут твоего шефа?

Артем опять зыркнул на меня.

– Тебя спросили, – заметил Бэрримор.

– Он не представлялся.

– Но ты же с ним общался? Как?

– Исключительно косвенно. Мне приходили сообщения на электронную почту, где и когда я получу информацию. Я приезжал на машине в указанное место и поворачивал салонное зеркало вверх. На заднее сиденье садился человек, называл мне кодовое слово из электронного письма и передавал задание.

– Умно придумано, – восхитился Ричард.

– Вот кто настоящие масоны-то, – сказал я. – Или карбо-нарии.

– Молчал бы... – посоветовал мне Артем. – Ты еще не понимаешь, как и куда ты попал.

– Я же сказал: не было у меня другого выхода.

– Но ты все равно попал...

– Тихо, – сказал Бэрримор недовольно. – Никто никуда не попал... Андрей, ты можешь забирать свою машину и уезжать спокойно домой. Теперь тебе никто ничего плохого не сделает.

Ну что ж, я ничего против не имел. Мне совершенно

не хотелось долее тут находиться и слушать о всяких тайнах Бургундского двора. Как говорят шпионы, будешь много знать – не дадут состариться...

Я не стал протестовать. Церемонно прощаться – тоже. Просто кивнул и вышел наружу. Запустив двигатель, я некоторое время просто разглядывал ландшафт участка. Складывалось впечатление, что на нем работают. Прямо-таки пахнут. И уж очень глубоко для того, чтобы просто перекапывать огород. Вон даже мини-трактор за углом дома стоит, такого тут сроду не было – наверное, денег за него немало отвалили...

Я аккуратно развернулся на участке, стараясь не задеть ни крыльцо, ни черный «субару», вывел грузовик на улицу и прикрыл ворота, полагая, что запирать их – не мое дело. Затем не спеша поехал домой, на ходу доставая телефон. Надо было предупредить Татьяну, что буду ужинать дома, да неплохо бы позвонить клиентам, а то ведь – срам сказать – целый день опять уже бездельничаю.

Естественно, ночью мне приснилось какое-то доязыческое чудовище, может быть, даже сам Ктулху – этакое спрутообразное ископаемое с клубком многочисленных щупальцев, похожих на петли кишок. Вот только голова у него была вполне человеческая – я с ужасом узнал лицо мрачной и холодной как рыба мисс Роузволл. Сестра Кэсси разинула рот и потянулась ко мне с намерением то ли поцеловать, то ли сожрать... И опять Татьяна недовольно меня разбудила, го-

вора, что мои кошмары мешают ей спать.

...Наутро пришлось подкидываться еще до пяти утра – заказчик ждал меня у черта на рогах, да еще не в самом удобном направлении по части качества дорожного покрытия. Таня еще спала, когда я уезжал.

Работу я выполнил достаточно быстро, часам к трем уже освободился полностью, и больше трудиться сегодня не был намерен. Никто, за исключением двух-трех потенциальных заказчиков мне не звонил, двигатель у машины работал исправно, и на душе у меня было излишне легко, особенно если вспомнить про события, произошедшие в течение нескольких прошедших дней.

С Таней я столкнулся буквально у подъезда – она откуда-то шла, видимо, в глубоких раздумьях и помахивая сумкой – не ее обычной сумочкой, с которой она ходит на работу, а «магазинной» – более крупной и вместительной. Она была настолько поглощена в свои мысли, что даже не заметила, как я подошел. Из хулиганских побуждений я тихонько гавкнул у нее над ухом, но реакция оказалась не самой традиционной: то есть, Таня, как и положено в таких случаях, сначала подпрыгнула, ойкнула, но потом, вместо того, чтобы рассмеяться и стукнуть меня слегка сумкой, только сердито фыркнула.

– Что, не в духе сегодня? – поинтересовался я.

– Все бы тебе балагурить...

– А чего бы и нет? Заказ отработал, все в порядке, спасибо

зарядке... А кстати, ты куда ходила?

– Ну... Надо было...

– Купила чего? – Я потянул сумку за одну из ручек к себе, не до конца застегнутый замок разошелся, и я увидел внутри что-то белое и мягкое. На продуктовую корзинку что-то не похоже...

И Татьяна меня удивила. Она дернула сумку ближе к себе, причем довольно сильно, словно бы я полез не в свое дело... О как!

– Это что у тебя за секреты такие? – серьезно спросил я. – Неужели от меня?

– Да ладно... Какие там секреты...

Пока суд да дело, мы поднялись на четвертый этаж, где находилась наша квартирка, прошли внутрь, и я все-таки запустил свою лапу в эту сумку поглубже. Тряпка какая-то... Одежда? Белая?

– Это что там – халат?

– Ну да... С работы взяла, постирать...

– Слушай, ну после стольких лет совместной жизни ты бы прекратила врать мне по мелочам, а? Я знаю, что у вас на работе все химики в халатах ходят, но ведь ты в больницу ходила? Верно? К Эльвире? Ну чего врать-то? Я что – съем тебя за это, что ли?

– Ну да, ходила! К ней, кстати, все равно не пускают. Она в коме.

– Плохо дело...

– Конечно, ничего хорошего.

– Пошли, чайку выпьем. Поговорить надо.

От разговора нам все равно было не уйти.

– Таня, скажи честно, я ведь, надеюсь, не совсем уж чужой тебе человек: зачем ты ходила в больницу?

Я был рад, что Таня не стала тупить и не сказала что-нибудь обтекаемое вроде «Эльвиру навестить». Это и без того было понятно.

– Понимаешь, я почему-то чувствую себя очень виноватой перед ней.

– Даже так? Почему?

– Не могу объяснить... Логике это не поддается.

– Ну, действительно. Столяровы попали в страшную беду из-за документов, к которым ты не имела ровным счетом никакого отношения. Тут даже я себя мог бы винить сильнее. Но я этого делать не буду. Просто Эльвире не надо было брать то, что ей не принадлежит! Я ведь уже говорил это.

– Ладно! – Таня хлопнула ладонью по столу, закрыла глаза, нагнула голову и прижала пальцы к вискам. – Ты можешь обозвать меня кем угодно, и ты будешь, наверное, прав... Все, пора наконец сказать... Дело в том, что я сама отдала Эльвире эти документы.

Таких ударов Остап не испытывал давно.

– Ты? Сама? Но заче-ем?!

– Послушай, наверное я страшная дура, но... В среду, когда ты уехал отвозить письмо... вернее, каталоги, которые я

тебе дала по ошибке... Андрик, честно – по ошибке! В общем, позвонила Эльвира, и я рассказала ей про твои дела с американцами. Чуть подробнее, больше, чем ты рассказывал Павлу. Все с твоих слов. Эльвира сказала, что она сейчас приедет, и примчалась буквально через десять минут. И прямо с порога сказала, что ты в очень большой опасности.

– И ты ей так сразу и поверила?

– Подожди. Во-первых, я знаю, что ты мастер притягивать к себе неприятности. Надеюсь, ты с этим спорить не будешь?.. Во-вторых, Эльвира очень аргументированно все рассказала. Даже показала распечатки. Видимо, из разных источников, не похоже, что просто текст на домашнем принтере вывели.

– С чего ты так решила?

– Ну, разные форматы шрифтов. Разная бумага. Несколько листов – ксерокопии с машинописных страниц.

– Ну, хорошо. И что дальше?

– Так вот – церковь, которая называется «евангельской», действительно никакие не христиане, а поклонники темных сил, члены какой-то «ложи». Штаб-квартира и собственный исследовательский центр у них находятся в Нью-Йорке. Потом, я видела список деструктивных сект и культов, который печатает наш антисектантский комитет, «евангельская» церковь там тоже есть. И тоже указано, что они – не те, за кого себя выдают.

– Антисектантский комитет недолюбливает и «евангели-

ческую» церковь, если я не ошибаюсь.

– Ну... Да, я это тоже знаю. Даже Эльвире сама сказала, что этот список – не такой уж веский аргумент. Но у нее было много других свидетельств!

Я молча разлил кипяток по чашкам из закипевшего чайника. Можно было думать про Эльвиру и ее «свидетельства» что угодно, но с недавних пор я тоже стал задаваться вопросом – откуда у американских евангелистов такие не ангельские, мягко говоря, повадки?

– И что тебе еще сказала Эльвира?

– Предупредила, что арсенал запудривания мозгов у них очень велик, и что от них надо держаться подальше. Ну а коль скоро ты уже имел неосторожность вступить с ними в деловые отношения, то пусть только деловые и остаются. Взял деньги, и никаких больше обязательств. А тут ты говоришь, что и в карты с ними играешь, и еще какие-то мелкие услуги по перевозкам собираешься оказывать. Но ты-то у меня мальчик уже большой... Вроде бы... По крайней мере, на охмуреж тебя взять невозможно – я в этом уверена. И Эльвире об этом сказала, кстати. Более того, я не так уж ей сильно и поверила. По крайней мере, потом, когда подумала хорошенько. Ну, сам посуди: «темные силы», ложки какие-то... Это же полная чушь – масоны в Сибири! Они ведь где-то там, далеко и наверху, ближе к правительствам и мировым организациям, как я это все понимаю. Зачем им влезать в чью-то частную жизнь, твою например? Эльвира не

согласилась и сказала, что если бы у нее были хоть какие-то документы, принадлежащие американцам, то она легко могла бы меня убедить в причастности так называемых «евангелистов» к недобрым делам. А я возьми и скажи, что ты получал для них почту. Видел бы ты, как Эльвира встрепенулась!.. Слушай, Андрей, ну, может быть я и дура, но она говорила *так убедительно!* Я даже сейчас вот говорю с тобой и не вполне понимаю, как это взяла и сама дала ей этот пакет... Случайно его открыла, и поняла, что ты уехал с моим... Так, наверное, цыганки забалтывают теток, а те потом выносят им из дома все деньги и золото.

– НЛП, – сказал я. – Нейролингвистическое программирование. Похоже, Эльвира где-то набралась опыта.

– По крайней мере, она обещала мне вернуть все как есть буквально через день. Но вот видишь, как оно повернулось.

– Да вижу уже...

– Помнишь, ты говорил, что какой-то парень к тебе прицепился из-за этих документов?

– А, – я сделал успокаивающий жест. – Похоже, я тоже умею говорить убедительно. И сумел ему внушить, что у нас ничего нет.

– И он поверил?

– Теперь – да. – Здесь я был честен. – Я же тебе говорил, что ничего страшного нет.

– Тогда остается главный вопрос.

– Где все-таки документы?

– Да.

* * *

В надежде узнать что-нибудь новенькое, я пробежался по страницам интернета, сохраненным в виде закладок на моем компьютере. Новых комментариев к вздорному материалу Чаповалова не добавилось, блоггер, вешавший на меня всех своих шелудивых собак, тоже замолчал, не дождавшись ответов на праздную болтовню... Мои сообщения, отправленные на электронные адреса, принадлежавшие Ратаеву, вернулись с информацией об ошибках. Третий адрес такой информации не выдал, и потому можно было надеяться, что он еще существует.

Вот только какой мне прок от этого Ратаева, я пока что не мог взять в толк. Можно было только предположить, что он как-то связан со Столяровыми, да вот еще интересное совпадение – занимался он какими-то исследованиями в Ордынском, а американцы чуть ли не на второй день знакомства со мной заикались насчет этого места... Да, Старлинг сказал, что они бы хотели воспользоваться моим грузовиком, чтобы съездить в «Ор-дин-ско-е», как произнес Бэрримор. Мисс Роузволл, похоже, сразу же намекнула им, что длинные языки надо бы укорачивать... А вот как быть, если эти евангелисты-масоны вдруг мне чего поручат? Наверное, надо будет отказаться. А если денег предложат? А если раза в

два больше тарифа?

В моем возрасте любой нормальный человек про себя уже знает практически все. Я считал себя нормальным человеком, но при этом довольно-таки жадным. То есть, конечно, не до такой степени, чтобы пойти на какую-нибудь гнусность, но рискнуть я был готов всегда. И при этом не всегда риск был адекватен полученному профиту. Я это знал тоже... А потому чем дальше, тем больше соблюдал осторожность. По крайней мере, пытался так делать.

Я опять подумал о «случайных закономерностях» и «закономерных случайностях». И о вопросе «why me», он же «почему я?» То, что вокруг меня происходит что-то мало-вразумительное, и притом имеющее какую-то зловещую целенаправленность – с этим спорить было трудно. Куда более трудно было понять, что же я сделал такого, из-за чего вдруг попал в центр интересов сектантов (если это действительно сектанты) и бандитов (если это действительно бандиты)... Ратаев, Геннадий Ратаев... Почему это имя мне кажется знакомым? Такое впечатление, что я про него слышал значительно раньше, еще до того, как мне назвал его следователь... От Столяровых? Нет, точно. Кстати, о Столяровых. Вот только Эльвира начала донимать Татьяну, и почти в тот же момент странные американцы захотели снять нашу дачу. Случайно? Закономерно? Ну да, как известно «диалектику мы учили не по Гегелю», поэтому ни хрена в ней не понимаем. Лучше уж действительно пойти более надежным путем

– разбором фактов. Про первичность фактов по отношению к гипотезам, кажется, еще Индиана Джонс говорил.

...Таня уже спала, я еще сидел на кухне и покуривал. Хотелось выпить, но завтра с утра заказ. Квартирный переезд, ничего особенного, но бывает, что такие дела затягиваются надолго. Пусть воскресенье, но отказываться нельзя – клиент намекал еще на несколько поездок в Черепановский район, надо будет ему напомнить. В общем, надо ложиться спать – сегодня ведь ни свет ни заря уже был на колесах...

От усталости мысли путались. Пора было действительно отправляться на боковую, но я чувствовал, что нужная мысль где-то рядом, что еще немного – и я соображу, откуда ветер дует, и какие странные вещи он приносит с собой. Что-то я там такое подумал, о Черепановском районе... В кухню просочилась пробудившаяся Таня; с заспанно-недовольной миной она потянула носом ядовитую атмосферу, но прежде чем начала критиковать мои вредные привычки и очередное нарушение моратория на курение в квартире, я опередил ее и спросил:

– Таня. Скажи мне, как твоя фамилия?

– Маскаев, ты что, совсем головой двинулся?

– Да, почти уже. Так какая? Я имею в виду настоящая, по родителям.

– Черепанова я... Ты тут не пьешь в одиночестве, случайно?

– Нет... Подожди, не сбивай меня с мысли... Это же мамы

твоей девичья фамилия?

– Да. При чем тут моя мама?

– При том, что у тебя ведь и отец есть? Родной отец, я же знаю... И родители у тебя не развелись. Верно?

– Верно... А, вот ты о чем... У них еще до моего рождения была какая-то странная история. Вроде как в ЗАГСе что-то напутали, и вместо того, чтобы записать маму новой фамилией, записали папу! То есть, он стал Черепановым. Ну, был небольшой скандал, но отец у меня человек несклочный, дело замяли. Потом родилась я, так и прожила всю жизнь Черепановой... Кстати, мне эта фамилия слегка наскучила. Но я это тебе еще, кажется, еще лет пять назад говорила...

– Подожди. Сейчас я угадаю или вспомню юношескую фамилию твоего отца. Ратаев?!

– Нет. Он – Тряпичников... Кстати, терпеть не мог свою фамилию, вроде как у твоих родителей тоже были какие-то комплексы по похожему поводу...

Так... Похоже, я впустую напрягал память... Как обидно! Но тут Таня продолжила:

– Ратаева – это была фамилия его сестры по мужу. По первому. Тетя Вера вышла замуж, потом развелась, снова вышла замуж...

– За старого адмирала Анатолия Сергеевича, от которого нам отписали дачу!

– Ну да...

– От первого брака у нее есть сын?

– Есть.

– Зовут его, случайно, не Геннадием?

– По-моему, да. Только я его никогда, по-моему, не видела, и ничего про него не знаю... Чего это у тебя рожа такая довольная стала?

– Да ты просто не представляешь, какое облегчение я сейчас испытал... Все, можно идти спать.

– Но теперь не усну я! Андрюш, зачем тебе понадобились мои родственники?

– Они не мне понадобились. Я подозреваю, что твой многоюродный брат – истинная причина нездорового интереса Эльвиры...

– Ты с ума сошел...

– ... А также и моих американских стервятников, – закончил я уверенно.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Утром следующего дня я снова помчался в Шатунику. Звонил Бэрримор, сообщая о проблеме с водоснабжением. Я был почти уверен, что нам банально перекрыли воду – сейчас, когда «по многочисленным просьбам» и чьим-то деньгам водопроводу решили придать статус зимнего, воду то и дело отключали, меняя трубы и занимаясь переключениями. Ко всему прочему, сломался дешевый китайский кран на ручкомойнике, и мне пришлось срочно учинять мелкий ремонт. А Старлингу еще приспичило подвести воду к комнате второго этажа.

– Я видел возле дома насосную станцию, – сказал он. – Водяной столб дойдет до the loft?

Если перевести слова брата Дэвида на местное наречие, то «насосной станцией» он величал обычный погружной насос в баке с водой, который мы иногда использовали в случае довольно частых отключений водопроводной воды. А словом «лофт» он именовал верхнюю комнату, резонно полагая, что это не полноценный «floor» – этаж, но и не «attic» – чердак то бишь.

Решив проблемы арендаторов (по крайней мере частично), я покинул дачу и подошел к кабине «хайса». Тут зазвенел мой телефон и кто-то принялся стучать в стекло дома

изнутри. Стучала Кэсси. Звонил Ричард. Что-то забыли сказать на прощание?

– Слушаю, – проговорил я в трубку.

– Андрей, – сказал Бэрримор, – на сиденье я забыл молитвенник и распятие. Будь добр, принеси их мне.

– Нет проблем... – Я снял с сиденья душеспасительную книжку в рыжеватом переплете и простой металлический крест из вороненого металла довольно больших размеров. Вернулся в комнату, где о чем-то говорившие между собой американцы примолкли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.